ДИНАМИТ ПАХНЕТ ЛАДАНОМ

ЕВГЕНИЙ “КРАЕВ” КОСТЮЧЕНКО

Евгений "Краев" Костюченко

Динамит пахнет ладаном

«Автор»
2026

"Краев" Костюченко Е.

Динамит пахнет ладаном / Е. "Краев" Костюченко — «Автор», 2026

Граф Орлов - техасский рейнджер. Но он ещё и русский офицер. И он не позволит отдать убийцам женщину, пусть и приговоренную к смертной казни.

© "Краев" Костюченко Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1.Мур или не Мур 6
2. Рейнджер по кличке Дьявол 7
3. Двое у часовни 16
4. Курсистка 22
5. Пульман. Проверка на прочность 28
6. Изменения в маршруте 35
7. Попутчики 40
8. В отрыв 46
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Евгений "Краев" Костюченко
Динамит пахнет ладаном

Евгений «Краев» Костюченко

ДИНАМИТ ПАХНЕТ ЛАДАНОМ

Создав для угнетенных масс динамит,
наука совершила свое величайшее дело.
Фунт этой штуки действует лучше,
чем два пуда бюллетеней для голосования.

Иоганн Мост,
анархист

1.Мур или не Мур

В феврале 1893 года в номере санкт-петербургской гостиницы, снятом на имя Вашингтона Мура, гражданина Северо-Американских Соединенных Штатов, прогремел мощный взрыв.

Через несколько часов на месте происшествия уже работала следственная комиссия. Опытный эксперт, стоя посреди комнаты на постеленном под ноги газетном листе, методично осматривал помещение и диктовал секретарю, сидящему в гостиничном коридоре с планшетом на коленях. Карандаш секретаря метался с умопомрачительной скоростью, записывая:

- … Штукатурка потолка и карнизов растрескалась и местами обвалилась… На потолке и на стенах обильные следы крови и фрагменты костной ткани… Пол комнаты сплошь покрыт обломками мебели… Рама окна высажена наружу и держится на одном гвозде. Так-так… В оставшейся части оконного переплета имеются застрявшие шестерни и пружина, предположительно от часового механизма. А вот это запишите на полях, войдет в особый отчет: среди обломков обнаружены неразорвавшиеся динамитные заряды. Мы их потом сосчитаем и классифицируем. Далее… У капитальной стены стояли комод и шкаф, от которых остались только обломки задних стен… На груде обломков досок и мебели, в расстоянии одного аршина от стены, лежит… Лежит обезображенный труп мужчины. Голова обращена к окнам, откинута назад. Туловище лежит спиной книзу. Грудная полость совершенно открыта спереди, в правой ее половине ничего нет, позвоночник в грудной и отчасти брюшной полости открыт…

Эксперт ненадолго замолчал, наклонившись над трупом. Выпрямился, зачем-то вытер руки платком, и продолжил:

- Через левую половину грудной клетки видны оба легких. В связи с головой сохранились части плечевого пояса с прилегающими мышцами. Брюшная полость совершенно разорвана. Сердце найдено среди обрывков мышц в области левого плечевого сустава. Правая нога с частью таза лежит параллельно туловищу. На ней имеются остатки нижнего белья. Левая нога с частью тазовой кости лежит на пороге комнаты… Взрыв, по-видимому, произошел у окна. Силою взрыва тело Вашингтона Мура было брошено на противоположную стену и вверх, о чем свидетельствуют обильные следы крови в виде мазков и брызг на стене и потолке. Оттуда, в силу тяжести, оно упало на место, где и было найдено.

Эксперт повернулся к секретарю и сказал:

- Когда будете переписывать набело, «Вашингтон Мур» исключить. Просто: «тело было брошено» и далее по тексту.

Жандармский ротмистр, стоявший в коридоре рядом с секретарем, спросил:

- Что так? Есть основания считать паспорт подложным?

- Такие основания есть всегда, когда перед нами динамитчики.

- Но он, видать, не простой динамитчик. Не из нашенских, - заявил ротмистр. – Наши заводским динамитом не пользуются. Сами готовят. И часовой механизм, опять же, не по-нашему это. Наши работают попроще, у них бомбы на ударных запалах. Кинул – и готово. Каналья, видать, из засланных. Хотел, видать, сегодня бомбу подложить, да рука дрогнула, или механизм неверно сработал. Мне еще давеча не терпелось его досмотреть, да к иностранцу нынче нелегко подступиться.

- Сейчас уже трудно разобрать, иностранец перед нами или соотечественник, - заметил эксперт. – Но мне бы хотелось сохранять предельную точность. Кто знает, может быть, именно в эту минуту настоящий Вашингтон Мур пьет утренний кофий у себя в каком-нибудь Техасе. А мы про него – «брошен на стену»? Итак, просто «тело»…

2. Рейнджер по кличке Дьявол

Выйдя в отставку, капитан Орлов уехал в Техас. Захудалый городок, в котором он поселился, носил звучное имя – Севастополь.

Когда-то здесь, на реке Тринити, русские купцы грузили на свои баржи хлопок, скупленный на плантациях, и спускались к морю. Они и назвали скромный поселок в честь славного города. Тогда Россия вела Крымскую войну, и купцы, видимо, желали хотя бы таким способом исполнить свой патриотический долг. Тот Севастополь, что на Черном море, после героической обороны был сдан противнику. Зато другой, техасский, процветал назло врагам. Правда, недолго. В Америке разразилась гражданская война, и поставки хлопка прекратились. Купцы переключились на другие товары и стали ввозить в Техас оружие и порох. Им бы, наверно, хотелось, чтобы в схватке Севера и Юга победили южане, их постоянные торговые партнеры. Но история не посчиталась с купеческими интересами и присудила победу северянам. А те живо навели на Юге свои порядки. Рабов освободили, и выращивать хлопок стало некому. Старые поставщики исчезли – кто погиб на войне, кто обнищал, а кто подался в партизаны, не желая смириться с поражением. И русские купцы, предчувствуя неприятности, свернули торговлю, собрали пожитки и подались в другие края. От них осталось только громкое имя, закрепившееся за городом, да десяток отличных зданий на набережной. В одном из таких домов на самой окраине городка и поселился граф Орлов.

Однако в доме своем он появлялся редко. На другом краю Техаса, за тысячу миль отсюда, в Эль-Пасо, в конюшне рейнджерской роты стояли его лошади, а в скромной гостинице один номер был закреплен за постоянным клиентом, которого, судя по записи в журнале, звали Пол Орлофф. Судя по той же записи, в Эль-Пасо он находился «по служебной надобности». Столь благопристойная формулировка была, к сожалению, весьма и весьма неточной. Со службой Орлов покончил раз и навсегда. Несмотря на настойчивые уговоры, он так и не записался в рейнджеры. Примыкая к отряду капитана Джонса, он просил, чтобы его считали проводником или рядовым стрелком, но наотрез отказывался получать даже минимальное жалованье.

У него и без жалованья хватало денег. Он долго работал в Штатах под деловым прикрытием, выполняя разведывательную миссию. Все его донесения теперь пылились в архивах Генштаба, а образцы вооружений, добытые ценой неимоверных усилий, так никого и не заинтересовали в российских военных ведомствах. Если деятельность капитана Орлова и не принесла никакой пользы отечеству, то, по крайней мере, она позволила ему накопить небольшой капитал в американских банках. После выхода в отставку Орлов рассудил, что деньги эти он заработал не как офицер, а как предприниматель. Следовательно, их можно оставить себе. Да и кому в России нужны американские доллары? А в Техасе он вложил их в дело, прикупив керосиновый заводик. Так что на жизнь ему хватало. И, отказываясь от рейнджерской тридцатки в месяц, он сам закупал для отряда то, что считал необходимым – новые карабины, к примеру, или запас консервов для скрытного рейда по мексиканской территории, где у рейнджеров не будет возможности добыть свежее мясо охотой.

Однажды в ноябре его отряд возвращался с патрулирования. Тот выход в поле оказался на редкость неудачным. Обнаружив след контрабандистов, рейнджеры не смогли их догнать. А на обратном пути еще и в засаду попали. Правда, обошлось без потерь, а у врагов, возможно, были раненые или даже убитые, судя по оставшимся кровавым пятнам. Но пятна к делу не пришьешь и перед судьей не поставишь. Вот и получается, что впустую прогулялись.

Миновав станцию Сьерра-Бланка, Орлов приотстал от рейнджеров и свернул к реке. Там, на одном из прибрежных холмов, стояла небольшая часовня возле двух могил. В могилах лежали друзья Орлова. А часовню он построил сам в первый же год, как вернулся в Техас. Она была сложена из кедровых бревен, купол покрыт листовой латунью, а крыша – красной

черепицей. Строил он ее всю весну и половину лета, изредка нанимая помощников. Часовня получилась – загляденье. Однако, едва успев полюбоваться, Орлов мысленно уже прощался с ней. Место тут было безлюдное, и кто же будет охранять сей храм? Растащат ведь и черепицу, и латунь, да и кедровым бревнышкам, с таким трудом доставленным в пустыню, тоже ноги приделают! Но вот – прошли годы, а часовенка всё стоит. И дело вовсе не в богобоязненности местного населения. Оно, население, сплошь бандиты и конокрады, относилось с особым почтением к персоне капитана Орлова. В свое время тот наделал немало шума в этих краях, охотясь за бандой знаменитого Джерико. Методы Орлова, и размах, с которым он эти методы применял – все это крепко запечатлелось в памяти народной. Полсотни бандитов пошли на угощение стервятникам и могильным червям, а граф Орлов получил в народе простое и понятное прозвище – Дьявол. Кто же осмелится приблизиться к постройке самого Дьявола, даже если эта постройка осенена крестом?

Никто и не приближался. По крайней мере, до нынешней осени. Орлов нахмурился, едва подъехав к часовне и заметив, что ее двери приоткрыты. На глинистой дорожке вокруг могил засохли отпечатки копыт – кого-то угораздило забрести сюда в дождь. Возможно, случайный путник прятался от ливня в часовне? Но в ливень никто не смог бы подняться по скользкому склону холма. И вообще, о каких ливнях речь? В этих засушливых краях дожди могут зарядить на неделю-другую только в феврале, а в остальное время, если и прольется с неба несколько капель, то им все только радуются, и никто не думает укрываться.

Орлов постарался вспомнить, когда же в этих краях последний раз шли дожди. Получалось, что в сентябре.

Отпечатков было всего шесть, седьмой еле-еле читался, и можно было предположить, что здесь останавливались по меньшей мере две лошади. Они стояли мордой к могилам. Видимо, поводья были накинуты на ограду.

Войдя в часовню, он сразу заметил на полу песок и комочки глины.

- Наследили гости дорогие, - проворчал Орлов, но тут же унял раздражение.

Перекрестившись, он подошел к иконостасу и отвесил земной поклон Георгию Победоносцу, Иоанну-воину и Сергию Радонежскому. Орлов редко выдерживал молитвенное правило, и службу в часовне вел по своему, особому, чину. Произнося молитвы, сохранившиеся в памяти, он непременно дополнял их простыми словами, обращаясь к святым так, словно они были не где-то на небесах, а служили в его же полку, только на более высоких должностях. Так поручик-квартирмейстер отчитывается перед своим полковником.

На этот раз он возблагодарил святых за то, что отвели от него пулю, летевшую из зарослей мескита. Но еще больше была его благодарность за то, что ему в этот раз не пришлось никого убить. Бывало, после рейда Орлов ставил на канун несколько свечей – за упокой тех, кого угораздило попасться ему в бою. Сегодня обошлось.

Только когда все положенные молитвы были прочитаны, Орлов стал осматривать часовню. Нет, гости ничего не унесли. Малость натоптали да в подсвечниках у распятия оставили после себя два парафиновых огарка. Он соскоблил наплывы и выковырял остатки из лунок. Сам он возжигал только восковые свечи, которые покупал в Сан-Антонио, в русской церкви. Их запас лежал в ящике у входа, и свечи оказались нетронутыми.

«Они были здесь ночью, а ящик оказался за дверью, в тени, потому и не заметили, - догадался Орлов. - Вошли со своими свечами, их же и оставили. Неужто православные?».

Снаружи послышалось короткое ржание его коня, и Орлов поспешил выйти – и заметил всадника, поднимающегося по склону холма. То был Нэт Паттерсон, маршал соседнего округа.

Орлов отошел к одинокой молоденькой акации и присел на скамейку в ее тени, набивая трубку. Когда Паттерсон наконец спешился возле часовни, Орлов уже окутался клубами душистого дыма.

Маршал присел рядом и достал из патронташа огрызок сигары. Они молча подымили несколько минут, прежде чем Паттерсон заговорил.

- Я встретил твоих головорезов, и они сказали, что ты поехал замаливать грехи.

- Им бы тоже не мешало покаяться, - заметил Орлов. - Проворонили караван. Двенадцать тяжело нагруженных мулов ушли за реку. Сколько может нести на себе мул? Фунтов триста?

- Грузят и больше.

- Вот и прикинь, сколько контрабанды мы упустили в этот раз.

- Что везли?

Орлов в ответ только пожал плечами.

- Большая охрана?

- Семеро всадников. Возможно, был головной дозор. Не исключено, что и с тыла их прикрывали. Кто-то обстрелял нас, когда мы шли по следу.

- Большая компания. Ценный груз. Досадно.

- Ты приехал выразить сочувствие?

- Не только, - Паттерсон усмехнулся. – Ты же знаешь, кроме тебя, мне не с кем сразиться в шахматы. У нас появляется возможность сыграть подряд десяток партий. Ты собираешься домой, на зиму?

- Посмотрим. Если не будет никаких сведений об этом караване, то уеду через неделю.

- Тебе же все равно ехать через Сан-Антонио? Так поедем вместе. Я возьму тебя напарником, и мы недурно проведем время в поезде.

- Напарником?

- Мне надо отконвоировать туда одну важную персону. Суд как раз через неделю. У нас, в Ван Хорне. Вынесут приговор, наденем на осужденного наручники и сядем с ним в поезд. Поедем первым классом, без посторонних, с кормежкой. Ты не против?

- Еще не знаю.

Паттерсон удовлетворенно кивнул.

- Спасибо, что не отказался сразу. А то я уже вписал тебя в ордер. Теперь у меня есть неделя, чтобы тебя уговорить. Иначе придется переделывать бумаги.

Орлов выбил трубку и смешал пепел с пылью под скамейкой.

- Нэт, в твоем округе есть пара мест, где можно в любое время купить мулов?

- Смотря сколько тебе нужно.

- Не мне.

- Понимаю. – Маршал сбил шляпу на затылок и оглядел долину, где извивалась и поблескивала река. – Думаешь, они купили мулов подальше от границы?

- Думаю, они постоянно их там покупают, - сказал Орлов. – Где-то на расстоянии двух ночных переходов. В первую ночь они подтягиваются поближе к реке и прячутся. Во вторую ночь переходят границу.

- В третью – возвращаются обратно, - продолжил маршал.

- Э, нет. Третью ночь они отдыхают там, в Мексике. А днем спокойно возвращаются в Техас. И едут в какой-нибудь соседний округ покупать мулов для новой переброски.

- Ты рассуждаешь об этих бродягах, будто о транспортной компании.

- Бродяги не обстреливают рейнджеров, - ответил Орлов.

***

Через два дня командир роты рейнджеров капитан Джонс на утреннем разводе поделился новостями, полученными от своих осведомителей из Мексики.

Караван, перешедший реку близ каньона, безостановочно проследовал к железной дороге, не задержавшись ни в одной из приграничных деревень. На станции Вилья груз, прибывший на двенадцати мулах, был сдан в пакгауз, а мулов отправили на скотный рынок, где

их быстро раскупили, благо, цены были смехотворно низкими. Донесения не содержали никаких сведений о характере груза или о тех, кто этот груз доставил. Впрочем, одна деталь была весьма существенной – разгрузка на пакгаузе проходила ночью, причем без участия местных грузчиков.

- Оно и понятно, - сказал Орлов – Это дело любит скромность. Контрабанда – она и в Мексике контрабанда.

- Плохо ты знаешь Мексику, - сказал Джонс. – Там нет ничего, кроме контрабанды. По крайней мере, в ближайших трех сотнях миль от границы. Наверно, груз слишком ценный. Или просто необычный.

- Например?

Джонс поморщился:

- Не будем гадать! Поймаем, тогда и заглянем в их ящики. Надо разбиться на двойки и патрулировать все подходы к каньону.

- Ага, - вступил в разговор громадный рейнджер по кличке Медвежонок. - Мы будем там околачиваться, а они перейдут за Камышовым островом. Или еще где-нибудь.

- Есть другие предложения? – Джонс оглядел рейнджеров, сгрудившихся вокруг стола с картой. – Нет? Идите, готовьте барахло. Уходим на неделю.

У Орлова были другие предложения, но он смолчал.

Можно было бы заслать своего человека в Мексику, чтоб он обосновался на станции Вилья и последил за этим загадочным пакгаузом, а главное - чтобы он запомнил физиономии ребят, которые набивают пакгауз не менее загадочным товаром.

Можно было бы понаблюдать за рынками, где торгуют мулами. Взять под наблюдение также и крупные ранчо, потому что дюжину мулов можно прикупить и там.

А еще можно было бы прочесать все приграничные заросли, все каньоны и пещеры, все укрытия, где можно припрятать ценный груз в ожидании транспорта. Да, можно было бы это проделать, если б в распоряжении капитана Орлова была не рота, а армия.

Но все равно что-то делать придется, потому что, начиная с сентября, это был уже четвертый караван, которому рейнджеры Джонса позволили уйти за границу. А ведь наверняка были и другие караваны, которых просто никто не заметил. Таких крупных переброс в этом районе не было никогда прежде. И рейнджеры чувствовали себя так, будто им кто-то плюнул в лицо, – и удрал.

Джонс свернул карту и спрятал ее в сейф.

- Пол, кого ты возьмешь себе в пару? – спросил он Орлова. – Медвежонка или Апача?

- Я бы взял обоих. И еще человек трех для ровного счета. А седьмым был бы ты.

- Двойками, двойками пройдемся! – упрямо помотал головой Джонс. – Чем меньше тебя видят другие, тем больше видишь ты сам. Мы носимся всем отрядом, и нас замечают издалека. Ясное дело, любой кретин заляжет под куст, пока мы не скроемся из виду. А потом пойдет себе дальше. Нет, двойками, только двойками.

- Тогда я пойду с Апачем, - сказал Орлов. – Медвежонок слишком заметный.

Они с Джонсом вышли на крыльцо штаба, и тут к ним подбежал мальчишка.

- Капитан! Записка от шерифа! Он говорил по телефону с маршалом, а потом дал мне эту записку и сказал, что вы мне заплатите десять центов!

Джонс сунул руку в один карман, потом в другой, выгреб пригоршню разных патронов и сказал:

- У меня нет мелочи. Хочешь пару патронов к винчестеру?

- У меня есть мелочь, - Орлов вложил монету в чумазую ладошку и повернулся к Джонсу. – Ну, что нам пишут?

- «Передай Полу, что сегодня ночью с ранчо Гривса угнали две дюжины мулов. Следы потерялись в горах. Ищите их у себя, ближе к реке. Тавро – «косая лестница». Подпись –

Паттерсон». – Джонс поскреб подбородок. – Ничего не понимаю. Кто такой Гривс? Зачем нам искать его мулов? Ты что, Пол, нанялся в частные сыщики?

- Гривса я не знаю. Но эти мулы спешат в Мексику, - сказал Орлов. – Значит, и нам надо поторопиться.

***

Две загадки не давали покоя капитану Орлову. Ему страстно хотелось знать, кто молился в его часовне и почему контрабандисты обстреляли его отряд.

Положим, первая загадка касалась лишь его одного, и потому могла бы показаться совершеннейшим пустяком. Вторая же значила неизмеримо больше – от ее решения, возможно, зависели жизни многих людей. Тем не менее, обе они мучили капитана с равной силой.

Орлов вообще не любил загадок, не терпел недомолвок, не выносил двусмысленностей. Отправляясь на патрулирование, он выбрал попутчиком рейнджера по кличке Апач как раз потому, что тот и вправду был наполовину апачем. И его индейский ум часто подсказывал парадоксальные решения.

Обследовав за день излучину Рио-Гранде между Камышовым островом и отрогами Сьерра-Дьяблос, Орлов и Апач остановились на привал, готовясь к ночному рейду. Они основательно подкрепились, улеглись на остывающие валуны и, любуясь закатом, раскурили трубки.

- Ты спрашивал, зачем они стреляли… Я не знаю, - сказал Апач. – Было семь выстрелов из трех разных стволов. И все пули прошли мимо. Я не знаю, зачем нужно впустую тратить семь патронов.

- Может быть, они плохие стрелки?

- Может быть. Это можно было бы проверить, если б мы их догнали. Но они ушли. Они умеют уходить по скалам, не оставляя следов. Такие ловкие ребята обычно и с оружием ловко обращаются.

- Так-так, - протянул Орлов, радуясь тому, что его туманная догадка приобретает все более ясные очертания. – Хочешь сказать, что они просто заманивали нас к себе?

- Если бы я хотел, чтобы враг свернул с тропы, я бы тоже выстрелил в его сторону. А потом кинулся бы убегать.

«Все верно, - подумал Орлов. – Это тертые ребята. Такие не промахнулись бы. Пальнули, убедились, что мы клюнули на приманку, и испарились. А если учесть, что они еще и раненого с собой смогли унести, то вырисовываются весьма и весьма серьезные фигуры».

- Как ты думаешь, это не были индейцы?

Апач помотал головой.

- Здесь уже давно ничего не слышно о таких индейцах. Все такие индейцы погибли или стали рейнджерами. Как я.

- Ты говоришь об апачах?

- Не только. Команчи, шайены, кайова – воинов и охотников не осталось ни у кого. Все стали работниками или торговцами, как теханос[1], как англичане, или немцы, или шотландцы, французы, ирландцы, датчане, итальянцы… Нет больше различий между техасскими народами, - заключил Апач.

- Ты перечислил не всех, кто живет в Техасе, - заметил Орлов.

Он хотел пошутить, но индеец воспринял его слова всерьез.

- Я встречал еще венгров. На восточном берегу Колорадо видел сербов. Из Канзаса к нам понемногу переселяются чехи. А из Калифорнии - китайцы. Еще говорят, что бандит, которого застрелил Джонс в апреле, был португальцем. Но это было на мосту через Рио-Гранде, так что

[1] Теханос – испаноязычное население Техаса

он лежал наполовину в Мексике. Или мост тоже считается Техасом? Тогда прими в расчет еще метисов, которые толпятся возле него. И всех этих голозадых пима, якви, майо, тарахумара, папаго[2]… - Апач победоносно глянул на Орлова и спросил: - Продолжать?

- Как ты их различаешь?

- У каждого народа своя повадка. Для тебя, наверно, все апачи на одно лицо? А я могу отличить любой из двенадцати наших кланов. Так и со всеми остальными народами. У каждого народа свое лицо. Ты скажешь, у них и язык свой? Нет, все сейчас говорят на одном языке. Но повадки разные. Капитан Джонс не признает никаких различий. Он говорит, что все мы американцы и нечего вспоминать дедушкины корни. Наверно, он прав. Потому что сейчас все стали одинаковыми. Как патроны в пачке.

Орлов вспомнил о незнакомцах, что побывали в его часовенке, и спросил:

- Говоришь, ты видел сербов? А, может быть, ты и русских встречал?

- Их как-то везли через Эль-Пасо, - ответил Апач. - Несколько вагонов. Русские – странный народ. Все говорили на разных языках.

- Давно это было?

- Это было, когда в Аризоне случился обвал на медных рудниках. Половина холма осыпалась вместе с целым городом. Город Тирби тогда исчез. Русские ехали, чтобы восстанавливать рудники. Если ищешь русских, найдешь их в Аризоне.

- Нет, - сказал Орлов. – Я не ищу русских. Похоже, что, наоборот, какие-то русские ищут меня.

Апач разгреб догоревший костер и принялся засыпать угли песком. Он поглядывал на Орлова, то ли в ожидании новых расспросов, то ли готовясь задать свой вопрос.

- Не прячь от меня свои мысли, - сказал, наконец, индеец. – Я закапываю угли в песок. А ты прячешь свои мысли в пустых разговорах. Не уводи меня в сторону. Ты что-то придумал насчет каравана, я же вижу.

- Да, придумал. – Орлов помедлил, чтобы как можно более ясно выразить довольно запутанную идею. - Знаешь, что означали те выстрелы? Они хотели сказать: «Эй, рейнджеры! Вы нашли нашу тропу! Так знайте, что мы знаем об этом!»

- Не так быстро! – Апач поднял ладонь, словно останавливая бегущего. – То есть они хотят, чтобы мы знали о том, что они знают, что мы нашли их тропу. И теперь, раз мы ее нашли, они по ней не пойдут. Так?

- Именно! – улыбнулся Орлов. – Они нам говорят: «Мы не такие дураки, чтобы снова идти по тропе, которую вы нашли!»

- А мы не такие дураки, чтобы им верить, - сказал Апач.

- Но ведь все поверили. И я. И ты. Все. Это было само собой понятно. Вот смотри: если б нас не обстреляли, мы бы наверняка сегодня оседлали ту тропу, верно? Мы бы их ждали хоть до Рождества, но дождались бы! А теперь мы мечемся, как слепые котята.

- Ну, мы-то с тобой не мечемся, - с довольной ухмылкой сказал Апач. – Мы-то с тобой сегодня оседлаем их тропу. Ты ведь давно до этого додумался, раз мы с тобой пришли сюда?

Орлов засопел трубкой, выпустил струю дыма вверх и ответил честно:

- Нет. Я додумался только что. А сюда мы пришли, потому что никто больше сюда не захотел идти. Всем было ясно, что тут нечего ловить.

- Давай поспим до полуночи, - предложил Апач. – Взойдет луна, и нам со скалы будет всё видно. Они появятся ближе к рассвету. Ты хочешь их задержать?

- Хотел бы. Но буду рад, если мы их хотя бы заставим повернуть обратно.

Апач разлегся на песке, закутываясь в одеяло, зевнул и сказал:

- Такие не повернут обратно.

---

[2] Племена индейцев севера Мексики

***

Луна взошла, как и было предсказано. Но толку от нее было мало. Едва осветив каньон, она тут же спряталась за тучи, и все залила чернота. Постепенно глаза Орлова привыкли, и он различил неясные очертания кустов внизу, увидел ломаную линию гор на горизонте и смутно белеющую дорогу вдоль реки. Отсюда до границы было не больше мили, и он подумал, что надо было устроиться где-нибудь подальше от реки. Потому что здесь контрабандисты уже не смогут остановиться. Даже если их встретить залповым огнем, они будут идти вперед, словно опьяненные близостью заветной черты…

- Лошадь, - почти беззвучно произнес Апач, лежащий рядом на скальном выступе.

В ночной тишине за легкими порывами ветра и ропотом кустарника вдруг послышалось мерное цоканье копыт. Лошадь шла по каменистой тропе. Остановилась. Снова пошла, уже медленнее.

Как ни вглядывался Орлов, он не мог увидеть ни одного движущегося пятна там, откуда доносились почти неразличимые звуки.

- Он один, - шепнул Апач. – Можем взять его?

- Только тихо. Очень тихо.

- Он и сам не услышит, как мы его возьмем.

Они отползли от края и по заранее закрепленной веревке живо спустились со скалы. Апач снял с себя оружейный пояс, бесшумно уложил кобуру и патронташ на землю. Скинул он и куртку – она могла выдать его шумом, теми почти неслышными звуками, которые издает трущаяся грубая ткань. Оставшись в черной рубахе, Апач прокрался вперед, наперерез невидимой лошади, и слился с темнотой.

Орлов тоже снял с себя все, что могло бы издать лишний звук. Стянул и сапоги. Шагать босиком по холодным острым камням было не слишком приятно, зато он двигался почти так же незаметно, как индеец.

И вдруг он отчетливо увидел лошадиную голову – ее вытянутый профиль выплыл из-за куста и показался, черный, на фоне светлой скалы. Вот уже видна шея…

Он напрягся и привстал, готовясь к броску.

Что-то прошуршало в стороне. В следующий миг послышался глухой удар, сдавленный вскрик – и два тела покатились по камням. Орлов рванулся, схватил лошадь под уздцы и, не давая ей заржать, обхватил морду спереди.

- Что за черт, - раздался недовольный голос Апача. – Это наш.

Орлов присел над тем, кого Апач оглушил, выбив из седла. На камнях лежал рейнджер из соседней роты, по кличке Пейот.

- Какого черта он тут шатается по ночам?

- Очухается – спросим.

Орлов хотел потеребить рейнджера за нос, чтобы привести в чувство, как вдруг что-то прошуршало по камням прямо у него под ногами. Он так и подпрыгнул на месте.

- Ты что? – удивился Апач.

- Змея.

- Змея? Ночью? В ноябре?

Апач огляделся, словно мог в темноте увидеть ускользающую гадину.

- Ладно, всякое бывает. Если люди бродят по ночам, почему змеям нельзя? Пол, я думаю, этот парень - дозорный. За ним идут остальные. Будем ждать?

- Они не придут, - сказал Орлов. – Если он в дозоре, то они сейчас ждут от него сигнала, что все в порядке.

- Да ладно тебе, – махнул рукой индеец. - Не все же такие умные, как мы с тобой.

Они заткнули пленному рот добротным кляпом и вернулись за оружием.

Договорились сначала стрелять в воздух, только чтобы напугать. Если откроют ответный огонь – бить по вспышкам. Если начнут обходить – не мешать. Если отступят – не преследовать. И самое главное – стрелять поочередно из карабина и револьвера, чтобы создать видимость, будто их здесь не двое, а хотя бы четверо.

Но все их приготовления оказались напрасными. До самого рассвета из каньона никто не вышел. А когда взошло солнце, Апач прогулялся между скалами и вернулся с обрывком тонкой бечевки.

- Это твоя «змея», - сказал он Орлову. – Наш приятель держал веревку в руке. А второй конец был там, у охранников каравана. Чуть что – он выпустил веревку. Те поняли – тревога. Стали ее сматывать. Она застряла в колючках между камнями. Обрубили. И ушли. Тихо, очень тихо.

- Ну и хорошо, - сказал Орлов. – Ночные перестрелки – пустая трата патронов.

***

Придя в себя, пленник стал мычать, дергаться и сучить ногами, требуя, чтобы его избавили от кляпа и наручников. Однако Апач обратился к нему с проникновенной речью:

- Не надо шуметь, брат мой. Если тебе не нравится наша компания, пожалуйста, можешь остаться. Мы только прикопаем тебя немного песком, да завалим камнями. А то тут койоты такие наглые, да и стервятников полно. Может, и не опознаем тебя, когда вернемся сюда с шерифом. Как тебе такое предложение?

Пленный рейнджер сразу затих, и хранил молчание до самого Эль-Пасо. Сдав его капитану Джонсу и доложив о результатах патрулирования, Орлов ожидал услышать хотя бы сдержанные слова одобрения. Однако Джонс буркнул что-то невразумительное, отводя глаза. Когда за пленным захлопнулась дверь чулана, который заменял тюремную камеру, Орлов спросил прямо:

- Мы зря его привезли?

- Вы зря на него напали. Если он был в дозоре, надо было дождаться каравана.

- С караваном мы бы не справились. А теперь у нас есть хотя бы один из банды.

- Этот? Он не из банды. Он ничего не знает. И ничего нам не расскажет. А вечером его заберет в свою роту капитан Льюис. И тебе с Апачем придется извиняться или хотя бы написать рапорт о случившемся.

- Тогда сначала придется научить Апача грамоте.

- Значит, тебе придется писать за двоих, - не улыбнувшись, продолжил Джонс. – Можешь начинать прямо сейчас. Вот бумага, перо. Садись за стол и пиши. Форму ты знаешь.

- Ты шутишь? – спросил Орлов. – Джек, все ясно как дважды два! Он – соучастник! Он тянул сигнальную веревку! Мы нашли там новые следы мулов! У меня нет никаких сомнений, что…

- У меня тоже нет сомнений, - спокойно остановил его Джонс. – Но парня придется отпустить. А тебе придется написать рапорт.

- Можно хотя бы сначала умыться с дороги? – спросил Орлов и, не дожидаясь ответа, вышел.

Он не собирался ничего писать. Джек Джонс ясно дал понять, что они снова вляпались в историю. Такое иногда случается со слишком ретивыми рейнджерами.

Ведь на лбу у пьяного незнакомца, что задирается в баре, не написано, чей он племянник. Скрутишь его – а потом строчи рапорт за рапортом. Или, скажем, остановишь подозрительное стадо на пути в Мексику, а через пару дней появляется его владелец с безукоризненными бумагами – и ты еще сам будешь двое суток глотать пыль, сопровождая этот явно краденый

скот до самой границы. Каждый такой случай надолго отбивал у Орлова желание приезжать в Эль-Пасо, хотя ему и нравилось помогать Джеку Джонсу.

Капитан Джонс хотел честно делать свое дело. Он не собирался искоренить мировое зло или сделать всех людей счастливыми. Сказать по правде, плевать ему было и на мировое зло, и на всеобщее счастье. Он просто хотел, чтобы люди вокруг него не нарушали законы, принятые ими самими. Установили границу? Так будьте любезны, соблюдайте таможенные и прочие правила. Договорились не воровать? Так не обижайтесь, если из-за украденной коровы вас запрут в неуютном помещении года на два. Согласились не убивать друг дружку? Значит, убийца будет пойман и повешен рейнджерами, если только он сам не сдастся на милость суда.

Законы, действующие на Западе, просты и понятны. Просты и понятны также причины, по которым люди, одобряющие закон, при удобном случае не преминут его нарушить. Эти причины – выгода и «жадность.

И точно таким же простым и понятным было средство, которым капитан Джек Джонс приучал людей соблюдать законность. Это средство называлось страх.

Рейнджеров боялись. Именно поэтому они справлялись с тем, перед чем отступали другие силы – полиция и армия. И именно поэтому капитан Орлов был среди рейнджеров.

Но время от времени обнаруживалось, что законы писаны не для всех. Кого-то могут застрелить при попытке угона теленка, а кого-то оправдывают после кражи сотен тысяч долларов. Кого-то можно схватить за шиворот, а на кого-то даже косо глянуть опасно.

И сейчас, поняв, что они с Апачем снова зацепили какую-то вонючую кучу, капитан Орлов решил, что ему пора домой, на зимовку.

Сдав на склад походную амуницию и оружие, он, согласно традиции, устроил для рейнджеров скромную пирушку в гостиничном ресторане. Наутро, приняв холодную ванну и опохмелившись , капитан Орлов сел в первый же поезд, идущий на восток, чтобы добраться до соседнего округа, в распоряжение маршала Паттерсона.

После станции Сьерра-Бланка поезд еще какое-то время шел вдоль реки, а потом круто заворачивал. Этот поворот Орлов никогда не пропускал, он ждал его, заранее прильнув к окну.

Вот что-то запело под тряским полом вагона, по-новому застучали колеса, и вагон едва заметно накренился. Орлов не сводил глаз с бегущей за окном гибкой линии холмов, то ныряющей вниз, то снова взлетающей. И вот она. Его часовня. Несколько секунд она виднелась над холмами, словно поворачиваясь, поблескивая куполом. Крыша пламенела ярким красным пятном в сером низком небе.

Капитан Орлов перекрестился. Но вдруг рука его замерла, не дойдя до плеча. В последнюю секунду, прежде чем холмы скрыли от него силуэт часовни, он отчетливо увидел рядом с ней двух лошадей…

3. Двое у часовни

Захар сидел на скамеечке под акацией, ожидая, пока Тихомиров закончит молиться. Из-за приоткрытой двери часовни доносилось гнусавое пение. «… И спаси, Блаже, ду-у-ши на-а-а-ши».

- Как только закончим эту канитель, не задержусь в Америке ни на минуту, - сказал Тихомиров, выходя из часовни. – Поезд, пароход, Париж. О, Париж… От одной мысли о нем у меня начинается дрожь во всем теле. Ты любишь Париж, Захар?

- Мне и в Лондоне хорошо было, - уклончиво ответил Захар Гурский.

- Ты говоришь так только потому, что не знаешь Париж, как знаю его я. Да ты, брат, пожалуй, и не бывал на берегах Сены!

Захар бывал. Но счел за лучшее промолчать.

Последний раз он был в Париже аккурат три года назад. Руководитель зарубежной агентуры Петр Иванович Рачковский прекрасно говорил по-французски, обожал французскую кухню, был женат на француженке, дружил с французскими банкирами. Естественно, что он и жил в Париже, хотя считалось, что центр борьбы с эмигрантами должен находиться в Женеве или в Лондоне. Но Петр Иванович избрал Париж. А скоро и домишко приобрел в пригороде французской столицы. В промозглый ноябрьский вечер Захар чуть не простыл, несколько часов простояв на обочине дороги между Парижем и Сен-Клу. Он приехал сюда из Лондона, где погода тоже не сахар. Но почему-то на берегу Темзы его никогда не колотила такая дрожь, как сейчас. Наверно, не только холод был причиной такого озноба. Захар ждал от Рачковского ответа на свое прошение об отставке.

Его сделали агентом еще тогда, когда он заканчивал реальное училище. Смышленого парнишку подвели к группе студентов, которые сеяли смуту на рабочих окраинах. Его отчеты были полны важных подробностей. Захар обладал цепкой памятью и запоминал всё - клички, особые приметы, отношения между участниками кружка… Студенты поручили ему передать забастовщикам кипу газет – и он передал, предварительно встретившись со своим покровителем из жандармского управления. Это был первый подвиг юного революционера: газеты разошлись по цехам. Через неделю бунтовщиков стали хватать по одному – кого дома, кого по дороге к заводу. И наличие антиправительственной прокламации в кармане оказывалось главным основанием для ареста и последующего сурового приговора.

Захар помнил каждый свой ход в этой игре. Его «подвиги» становились все опаснее. Он стал курьером, потом – боевиком. После первого убийства его перебросили сначала в Германию, потом в Англию. Он не боялся крови и спокойно шел на «острые акции». Захар всегда ощущал за спиной незримую поддержку Системы, и верил в свою неуязвимость. Только в последнее время его стало преследовать странное чувство – он уже не понимал, кому служит: Департаменту полиции или террору? Он стал слугой двух господ. Один господин был не лучше другого. И революционеры, и жандармы приказывали ему убивать. Захар знал – рано или поздно за кровь придется отвечать. Раньше-то он об этом не думал, но теперь, когда стукнуло тридцать, пора было перейти к мирной жизни…

Наконец у обочины остановился фиакр, из-за полога показалось раскрасневшееся лицо Петра Ивановича, и Захар забрался в карету, укрывшись воротником от взглядов извозчика. Петр Иванович похвалил его за расторопность, а потом сказал, что его письму не может быть дан ход. Больше того, вопреки установленному порядку, это донесение не было занесено в реестр тайной корреспонденции и по прочтении было немедленно уничтожено. «Надеюсь, ты не в обиде», - добавил Петр Иванович. Захар не обиделся. Бумагу можно сжечь, но, если бы потребовалось, он легко бы восстановил написанное, слово в слово. Даже теперь, спустя три года, он помнил каждую строчку того письма, выстраданного бессонными ночами.

«Дорогой друг!

Вам хорошо известно, что я всегда работал по чистейшей совести, старался выполнить все порученное по возможности лучше, и постоянно питал надежду, что в конце концов все-таки найдут меня достойным гражданином отечества и дадут мне моральную поддержку. Я играю довольно опасную роль, и сознание, что в случае несчастия не смогу иметь от Правительства нужную моральную поддержку, меня всегда угнетает. И вот, Дорогой друг, Вы могли бы все эти мои неприятности устранить и дать мне нужную моральную поддержку, если бы Вы мне выхлопотали откуда следует один настоящий заграничный паспорт на мою настоящую фамилию. Сердечно я Вас в этом умоляю, сделайте для меня эту милость. Я буду Вам на всю жизнь глубоко благодарен. Я тогда буду чувствовать себя настоящим человеком и морально успокоенным. И всегда останусь Вам и делу верен. Если же имеются на это материальные издержки, в следующий раз можете отсчитать затраченную сумму.

Подпись - Григорьев».

«Итак, письмо не получит официального хода по инстанциям. Но я могу все устроить и без инстанций, – сказал Петр Иванович. – Только объясни, зачем тебе паспорт? Уж не за океан ли ты собрался?»

Догадка оказалась верной. Захар, как и любой нормальный эмигрант, даже не думал о возвращении в Россию. Особенно после того, как партия террористов перевела его на нелегальное положение. Захар три года отработал слесарем в лондонских доках и неплохо насобачился по-английски. В Америке он не будет глухонемым, как большинство его товарищей. И работу найдет легко. Мечты о вольной и сытной американской жизни кружили ему голову. Но главное – там, за океаном, его не достанут ни враги, ни друзья.

Петр Иванович одобрил его планы. «Ты это заслужил, - сказал он. – Исполнишь последнее дельце – и гуляй на все четыре стороны. Дельце пустяковое».

Тенорок Петра Ивановича чуть дрогнул, выдавая волнение. Захар понял: всё, что сейчас будет рассказано о деле, следует выслушать с особым вниманием.

«Знаешь отель «Де Бад» на Итальянском бульваре? - начал, откашлявшись, Петр Иванович. – Впрочем, не важно. Тебя туда отвезут. Отвезут и привезут, впустят и выпустят, тебе и делать-то почти ничего не придется».

«Фигура мне знакомая?» - осведомился Захар.

«По счастью, нет. А вот ты ему известен, хотя и заочно. Ему многие агенты известны. Имел доступ к картотекам Департамента полиции. Снял копии. А ныне решил заработать капиталец на этих сведениях, вознамерился продать полякам. Есть у них такая организация, «Пролетариат». Головорезы отпетые. С десяток наших агентов числится на их счету – кого нашли с проломленным черепом, кого так и не отыскали. Они, пролетарии эти, врагов забивают насмерть. Это у них вроде автографа. Ежели покойника ломами или молотками покромсало – значит, пролетарская работа».

«Меня стращать не требуется, - сказал Захар. - Вернемся к фигуре. Какая будет моя работа? Тоже – ломиком и молотком?».

«Боже упаси! – Петр Иванович перекрестился всей ладошкой, по-католически. – Работа будет чистая. Фигура сносится с поляками через своего агента. Поляк тот имеет к фигуре прямой доступ. Условный знак для швейцара – пригласительный билет на вечер Франко-Русского салона. Вот такой».

Петр Иванович передал Захару конверт.

«Тебе только швейцара пройти. Камердинер будет в отлучке. На этаже больше никого. Работай спокойно».

«Если не ломик и молоток, тогда что же?»

«Самоубийство. Вот тебе револьвер системы «веблей». Точь-в-точь такой, какой фигура всегда держит при себе, в халате».

Захар переложил револьвер к себе в карман, предварительно убедившись, что его барабан заполнен патронами.

«Их превосходительство давеча в казино изрядно поиздержались, - сообщил Петр Иванович. – Я так полагаю, что более подходящего момента и не найдешь. Долги, расстроенные чувства, тоска да похмелье – хоть стреляйся».

«Их превосходительство?» - Захар не удержался от вопроса.

«Разве я не сказал? Фигура наша – отставной генерал. Ты что же думал, всякая мелочь способна по картотекам шарить? Нет, братец, на генерала тебя выводим, гордись. Достойная фигура для последнего дела, как ты считаешь?»

«А мне все равно, хоть генерал, хоть министр, - равнодушно ответил Захар. – Я человек государственный. Кого отечество приговорило, того я без колебания…»

Он провел ладонью поперек горла.

«Только вы с паспортом не медлите, Петр Иванович. А то, чувствую, коситься на меня начали друзья-товарищи».

«Паспорт получишь вечером. Утром – генерал, паспорт - вечером», - сказал Рачковский.

Так и вышло.

Ранним утром Захар вошел в генеральский номер, держа перед собой конверт.

Седой румяный старик, позевывая, сидел за столом, разбирая бумаги. Рядом дымилась чашка горячего шоколада. Не поднимая головы, генерал пробурчал:

«Что так рано…»

Захар остановился на почтительном удалении от стола и вытянулся:

«Ваше высокопревосходительство! Пакет из салона!»

«А где… - увидев незнакомца, генерал удивленно вскинул седые брови. – Ну, не важно, пакет? Что за пакет?»

Подав конверт, Захар отступил в сторону и встал сбоку от стола. Генерал склонил голову, распечатывая пакет, так что Захару было очень удобно выстрелить ему в висок.

Старик обмяк в кресле, и его голова с глухим стуком упала на зеленое сукно стола. Захар положил свой револьвер на паркет возле безвольно повисшей руки покойника. А генеральский «веблей», лежавший в халате старика, перекочевал в карман к Захару.

Еще раз оглядел огромный кабинет и вышел так же спокойно, как и вошел.

Вечером он уже держал в руках свой паспорт. А назавтра был в Лондоне и собирал вещички, готовясь к поездке за океан.

Все исполнилось гладко. Почти идеально. Правда, полиция не поверила в самоубийство жизнерадостного русского богача. Было установлено, что рано утром в номер заходил некий курьер. Упавший на пол конверт с приглашением привел полицейских во франко-русский салон. А там они узнали, кто должен был отнести приглашение генералу. Так стало известно имя несчастного поляка. Журналисты оповестили об этом всю Францию. Казалось, убийцу вот-вот схватят. Но поляк исчез бесследно.

Год спустя тело мнимого убийцы генерала было обнаружено на окраине Сан-Антонио. Но это уже совсем другая история, не имеющая отношения к Парижу.

- Нет, ты не видел Парижа! – пылко воскликнул Тихомиров. – Кто хотя бы раз видел рассвет на Елисейских полях, тот никогда не забудет эту дивную картину.

- А мне и тут хорошо, - равнодушно повторил Захар.

***

Когда Исполнительный Комитет вынес смертный приговор Александру Второму, Гаврюше Тихомирову шел семнадцатый год, и посему он воспринял новость с детской наив-

ностью. «Значит, скоро революция?» - спросил он у сестры. Та в ответ лишь улыбнулась и потрепала братишку по щеке.

Исполнительный Комитет считался наиболее законспирированным подразделением «Народной Воли», и его решения доводились только до избранных. Однако Гаврюша знал о Комитете больше многих заслуженных революционеров, хотя сам в организации не состоял. Не состояла в организации и его сестра, Поллинария, которая, тем не менее, во всех подробностях расписывала Гаврюше борьбу с царским режимом. А вот ее жених был в «НВ» не последним человеком. Он принадлежал к почетной касте нелегалов, и появлялся в доме Тихомировых то в мундире железнодорожника, то в косоворотке и сапогах со скрипом. Гаврюша долго не знал, как зовут жениха его сестры. О нем так и говорили в доме – «Полюшкин жених». Однажды он подслушал, как, прощаясь, сестра назвала своего возлюбленного польским именем Янек. Только в восемьдесят пятом году, когда в газетах появилась фотография террориста, погибшего при взрыве собственной бомбы – только тогда Полюшка обмолвилась, пряча газетную вырезку в шкатулку: «Прощайте, Замойский». Так Гаврюша узнал, что при более благоприятных обстоятельствах мог бы породниться с самим Иваном Замойским, знаменитым боевиком.

Впрочем, и несостоявшееся родство сослужило Гаврюше неплохую службу.

Году так в 83-м или 84-м к ним в дом заглянул незнакомец, прилично одетый господин, говоривший с сильным прибалтийским акцентом. Не представившись, он только сказал, что имеет небольшую посылку для господина Тихомирова. Отдавая увесистый чемодан ошеломленному Гаврюше, незнакомец шепнул: «Я от Янека. У вас последний надежный адрес. Не ходите никуда. Все связи оборвать. Когда наступит лучшее время, мы встретимся».

Первым стремлением Гаврюши было немедленно заявить в полицию. Но он живо представил себе дальнейший ход событий. Охранка, о которой он был наслышан, не упустит возможности сделать его своим агентом, а квартиру превратить в ловушку для уцелевших революционеров. («Народная Воля» к тому времени была истреблена почти полностью).

Мысль о том, что незнакомец мог быть банальным провокатором, пришла чуть позже, и Тихомиров снова засобирался было в участок. Однако, поразмыслив, он пришел к выводу, что ни его персона, ни личность сестры не представляют для охранки никакого интереса. Семья их считалась вполне благонадежной. Иначе Полюшку не взяли бы на работу в дом великого князя. Может быть, проверка? Но тогда проверили бы сестру. Вручили бы чемодан ей, а не брату-студенту, которого незачем проверять…

Много разных мыслей и чувств обуревали Гаврюшу Тихомирова, пока он стоял в коридоре, глядя на дорогой кожаный чемодан. Услышав, как в гостиной часы пробили четыре раза, он спохватился: «Скоро придет сестра!»

Чемодан был спрятан под кроватью. Где и лежал потом, тревожимый только тогда, когда Гаврюша протирал пол в своей комнате.

После смерти «Янека» Тихомиров подумал, что теперь-то уже никто не вспомнит о «последнем надежном адресе». И, преодолевая непонятный страх, открыл загадочный чемодан.

Как он и предполагал по изрядной тяжести, там оказались, в основном, бумаги. Списки. Адреса. Письма. Записные книжки. Пачки газет, набранных почему-то только с одной стороны.

Он не стал их читать. Отвращение оказалось сильнее, чем любопытство. Он растопил голландскую печь и, развязывая пачку за пачкой, сжег все бумаги. Он бросал вслед за последним листком обрывки упаковки и обрезки шпагата, и брался за новую пачку. Так он дошел до самого дна чемодана, где лежало нечто, завернутое в холст. Сердце его дрогнуло, когда он увидел стопки денег. «Наверняка фальшивые», - решил Тихомиров, разглядывая банкноты. Правда, до сих пор он слышал только о поддельных пятидесятирублевых кредитных билетах. А в стопках были перевязаны нитками желтенькие рубли, красные десятки и белые четвертные. Имелись и сотенные билеты, и даже пачка двухсотенных, то есть банкноты, которых Гаврюша

никогда прежде не видел. Если все эти купюры и подделали, то весьма скрупулезно - они были и потертыми, и порой надорванными. Некоторые выглядели как новенькие. Да они и были новенькими – на них красовался вензель Александра Третьего, а на старых бумажках был росчерк его предшественника…

Гаврюша так и не решился пустить деньги в печку. Через несколько дней он со всеми предосторожностями потратил первый рубль – просто для проверки. Сошло. И с десяткой сошло. Через месяц Тихомиров исчез из Петербурга, оставив сестре короткую записку: «Мне надо по-новому осмыслить жизнь. Не ищи меня и не осуждай. Вечно твой брат».

Он уехал в Англию, чтобы выучиться на инженера. Но вместо этого стал изучать философию и историю искусств. Изучение архитектуры и живописи требовало постоянных разъездов по Европе, и Тихомиров не отказывал себе в этом удовольствии. Денег хватило на год. Еще год он провел в Париже, прибившись к группе соотечественников, таких же неудачливых студентов. Они часто посещали русский анархический кружок. Не столько из любви к анархизму, сколько из-за того, что там можно было бесплатно напиться чаю с сахаром и наесться хлеба. Однажды среди них появился прилично одетый господин, говоривший по-русски с заметным прибалтийским акцентом. Тихомиров узнал его сразу. И понял, что это узнавание было обоюдным. Торопливо уходя, он замешкался в дверях, и прибалтиец нагнал его на улице. Он взял Тихомирова под локоть. Гаврюша похолодел: вот она, смертушка! Вот когда ему придется расплатиться за тот чемодан…

Но прилично одетый господин сказал:

«Итак, вы остались на легальном положении. У вас надежный паспорт?»

«Да», - отвечал Гаврюша, не понимая, как может паспорт быть ненадежным. Тогда он еще не знал, как много разных паспортов ему придется предъявлять в будущем.

«Вы готовы завтра же отправиться в Женеву?»

«Разве что пешком». Самообладание быстро вернулось к Тихомирову, и он шутливо похлопал себя по карманам.

«Зачем же пешком! Мы снабдим вас по высшему разряду! Где вы изволили остановиться?»

Последние несколько ночей Тихомиров изволил останавливаться под мостами, благо, ночи стояли исключительно теплые. Он задумался над ответом. Но отвечать и не потребовалось. Видимо, осознав бестактность вопроса, прибалтиец продолжил:

«Впрочем, едемте сейчас ко мне в отель. Вас придется переодеть и вообще приготовить к поездке. В Женеве проведёте три дня, оттуда вас отправят в Турин. Затем Рим, Неаполь, Генуя, а оттуда вернетесь в Париж. Как вам такое турне? Вам ведь знакомы эти места? Вы говорите по-итальянски?»

«Немного».

«Я не сомневался. Художник не может не говорить по-итальянски. Ведь вы - художник-с?»

«Отчасти».

«Удобное прикрытие, не находите ли? Любые перемещения вы можете объяснить поисками натуры для картины. А неосторожные высказывания всегда можно списать на эксцентричность характера. Богема-с! Да-да, Тихомиров, отныне вы – свободный художник. Для курьера и не найти более надежного прикрытия!»

Так он стал курьером. Сначала перевозил письма. Затем – деньги. Иногда передавал распоряжения какого-то «центра». Примерно через полгода стал участвовать в заседаниях разнообразных групп и кружков - русских, итальянских, французских, а однажды даже побывал среди мрачных турок. Заседания эти он посещал на правах гостя «с совещательным голосом». Выступлений от него не требовалось, его мнения никто не спрашивал, надо было всего лишь поприсутствовать и унести с собой протокол заседания. Однажды, случайно заглянув в такой

протокол, Гаврюша с изумлением узнал, что он не просто курьер, а представитель центра, и даже больше того – уполномоченный представитель.

Прибалтиец же, Август Иванович, оказался адвокатом из Риги. Чуть позже он объяснил, что является таким же «уполномоченным представителем», как и Тихомиров. Деньги и инструкции, которые он передавал Гаврюше, приходили к нему от другого уполномоченного представителя. По крайней мере, таким было его объяснение. Обмолвился он об этом только однажды, причем ведь Гаврюша ничего и не спрашивал. Они вообще ничего не спрашивали друг у друга. Тихомирову нравилась эта молчаливая солидарность заговорщиков. Вот только против кого был тот заговор, он не знал. И знать не хотел. Потому что неосторожный вопрос может все разрушить, как неосторожное движение ночью заставляет спящего проснуться. А Гаврюша так боялся, что все это окажется прекрасным сном! Приличная одежда, обеды в недорогих, но приличных ресторанах, поездки в приличных вагонах, встречи с приличными людьми. В перевозке денег не было ничего противозаконного, а инструкции были зашифрованы и выглядели как обычные письма. Когда же где-нибудь гремел очередной взрыв, Гаврюша не испытывал никаких угрызений совести – ведь он не снабжал всех этих чехов, сербов, турок и итальянцев динамитом. Они сами его производили. Или покупали. Или похищали со складов.

И бомбы бросал не он. А отпетые мерзавцы вроде Захара Гурского.

Конечно, разве этот хладнокровный убийца способен понять всю прелесть парижских закатов?

Тихомиров, отъезжая от часовни, еще раз оглянулся на нее и перекрестился:

- С Богом, Захарушка. Скорей бы покончить с этой канителью.

- До суда еще два дня, чего мы так рано едем-то? – проворчал Гурский.

- Пока осмотримся, пока всё приготовим. Ты же знаешь, важное дело нельзя исполнить впопыхах.

- Тоже мне, важное дело! - Гурский презрительно скривился. – Поручили бы мне, коли такое важное. Я бы исполнил без сучка, без задоринки. А к этим босякам у меня доверия нет. Были бы немцы, или англичане – я б не сомневался. А эти…

- Ну, батенька, уж какие есть, - невесело рассмеялся Тихомиров, и они поскакали вниз по холму, оставив часовню за спиной.

4. Курсистка

У Натаниэля Паттерсона были две главные страсти в жизни – шахматы и история кавалерии. Коренной техасец, Гражданскую войну он прошел под знаменами Джеба Стюарта, легендарного предводителя конницы Юга. Тогда Паттерсону было не до шахмат, как, впрочем, и не до истории. Прошло почти тридцать лет, и теперь маршал мог с гордостью заявить, что в историю кавалерии он внес свой скромный вклад, не только как исследователь, но и как участник исторических событий. Что с того, что ему тогда не было и семнадцати? Что с того, что он участвовал во всех рейдах, управляя лишь кухонным фургоном? Герои тоже нуждаются в пище, и гораздо сильнее, чем простые смертные. Зато после еды и доброго виски герои могут такое рассказать… Юный повар слушал их, затаив дыхание, но не теряя рассудительности. Об одном и том же боевом эпизоде он слышал несколько рассказов. Каждый рассказчик видел бой по-своему, и вносил что-то свое, и оставалось только исключить противоречия, чтобы получить точную и яркую картину.

Позже, когда война стала достоянием историков и литераторов, Паттерсон удивлялся, как сильно можно исказить самые простые события. Рейды Стюарта, нацеленные на разрушение коммуникаций противника, именовались «бандитскими налетами» и «грабительскими вылазками». А каждому рейду предшествовали тщательная разведка, анализ агентурных донесений и изучение местности – об этом нигде и не упоминалось.

- Знаешь, Пол, что я на днях прочитал? – сказал Паттерсон, передвигая ладью. – Кавалеристами Стюарта двигала не воинская дисциплина, а «бессильное отчаяние обреченных».

- Чему удивляться? – ответил Орлов, безжалостно снимая с доски черного слона, которого прозевал маршал. – Победа в войне достигается полным уничтожением противника. Обезоружить – не значит усмирить. Убить и закопать – не значит уничтожить. Уцелевших надо заставить служить новой власти. А убитых – вычеркнуть из книги, что зовется памятью. Залить черной краской целые страницы, если их не удается выдрать. Это – обычная практика победителей. Если бы в той войне выиграли вы, мир бы сейчас почти ничего не знал про генерала Гранта и его компанию.

- Грант – пьянчуга. Шерман[3] – мясник. И все это знают, несмотря ни на какие их титулы, - сердито заявил маршал, глядя на белого коня, который занял клетку, откуда черный слон, ныне покойный, собирался провести разящую атаку.

- Как хорошо быть побежденным, - усмехнулся Орлов. – Легенды и песни слагают только о павших героях. И никогда – о победителях.

- Песни? Их поют лишь пьяные ковбои. По ночам, чтобы успокоить спящее стадо. Война давно забыта. Ее вспоминают только перед выборами. Чтобы лишний раз плюнуть на могилы.

Паттерсон отправил свою ладью в атаку на дерзкого коня.

- Неожиданный ход, - сказал Орлов. – Ты у нас мастер неожиданных ходов…

- А что, Пол, у тебя в России – такое же дерьмо? – спросил маршал, явно пытаясь отвлечь противника.

- Приблизительно. Разница лишь в том, что у нас трудно понять, кто победил, а кто проиграл. Мы воевали с турками, разбили их. А когда я вернулся домой, оказалось, что о нашей победе никто ничего не знает. Все оплакивали потери, ругали армию, обвиняли командование. В общем, всё выглядело так, будто турки нас разгромили, а не наоборот. А болгары и румыны, которых мы освобождали, тут же переметнулись к нашим злейшим врагам, к англичанам. Вот

[3] Улисс Грант – главнокомандующий армией северян, позже – президент США; Уильям Текумсе Шерман – генерал, чья армия разорила тылы южан, предопределив поражение Конфедерации.

и гадай теперь, победили мы или … – Орлов не заметил, что коню угрожает опасность, и сделал невинный ход пешкой. – Или проиграли.

Паттерсон быстро снял коня с доски и громко поставил ладью на освободившееся поле. Орлов же спокойно подвинул вперед ферзя и сказал:

- Мат. Еще партию?

Маршал оглядел позицию, надеясь на чудо. Но его королю некуда было деваться с той диагонали, на которой стоял белый ферзь.

- Пожалуй, нам пора в суд, - сказал Паттерсон, укладывая шахматы в дорожную сумку. – Я попросил судью не торопиться, и наше дело рассматривается последним. Но лучше подождать, чем опоздать. Посидим в коридоре. И начнем матч-реванш, как только сядем в поезд. Не возражаешь?

Орлов не возражал – ему давно уже не терпелось выйти на улицу. Все лето он провел в поле, да и осенью уходил в рейды каждую неделю. После походной жизни любые потолки становятся слишком низкими, стены давят, и даже самое чистое оконное стекло кажется мутным. Да и к цивильной одежде трудно привыкать. В светлом костюме и легких башмаках Орлов чувствовал себя чуть ли не голым. Особенно странным было отсутствие привычной тяжести оружия. Конечно, он держал в скрытой поясной кобуре короткоствольный «смит-вессон», но почти не ощущал его веса после того арсенала, который приходилось таскать на себе во время полевых выходов.

Они дошли до здания суда за пять минут. Погрузили сумки в пролетку, которая должна была доставить их вместе с подконвойным к вокзалу. Покурили на крыльце. Вошли в коридор. И здесь Орлова ждало первое малоприятное открытие.

На двери зала судебных заседаний висел список рассматриваемых дел. И последним значилось «дело миссис Роджерс».

Орлов нагнал маршала, который спешил к дивану, и схватил за локоть:

- Нэт! Что за черт! Почему ты не сказал мне, что придется везти женщину?

- Потому что тогда ты бы мог отказаться, - с простодушной улыбкой ответил Паттерсон. – Все отказались, кого я просил.

- Ну, спасибо! Что она натворила такого, что ее должны сопровождать двое мужчин?

- Ее обвиняют в подделке подписи на банковских билетах.

- Всего-то?

Маршал уселся на диван и, сняв шляпу, пригладил седые вьющиеся волосы.

- Помнишь майское ограбление почтового поезда в Калифорнии? Там ребятишки хапнули двадцать тысяч долларов из банка Монтаны. Но бумажки были в пронумерованных пачках, к тому же без подписи председателя банка. В сентябре прошло предупреждение, что эти банкноты могут всплыть у нас в Техасе. Все клерки были настороже. И когда девушка попыталась обменять сотку на мелкие деньги, ее арестовали.

- Она ограбила поезд? Не верю.

- Я тоже не верю. И никто не верит. Она говорит, что работала проституткой на пароходе «Серебряная Стрела», каталась по Миссисипи, обслуживала пассажиров. А пассажиры бывают разные, сам понимаешь. Кто-то вполне мог расплатиться с ней бумажкой из ограбленного вагона.

- Отдать сто баксов проститутке? – усомнился Орлов.

- Ну, почему бы и нет? Я ее видел, и она стоит таких денег. В общем, все это весьма правдоподобно, но ничем не подтверждается. Хотя и не опровергается. Все-таки она могла быть связана с грабителями. Вот ее и мариновали тут целый месяц. Сегодня узнаем приговор. Правда, это ничего не изменит. Чем бы дело ни кончилось, мы все равно повезем ее в Сан-Антонио. Нам с тобой по дороге, вот почему я тебя и пригласил. Ну, что ты сверлишь меня

глазами? Всё в порядке, Пол. Проедемся в хорошем вагоне, сыграем матч-реванш. А потом ты спокойно двинешь к себе в Севастополь, а я сдам красотку и отправлюсь домой.

Маршал снова улыбнулся. Орлов не мог долго злиться на Паттерсона. «В конце концов, - подумал он, - на его месте я бы, наверно, тоже пошел на военную хитрость».

- Сдашь? - спросил он, продолжая хмуриться. - Куда сдашь? В камеру хранения? Или в местный бордель?

- Нет. Дипломатам. Дело в том, что наша миссис Роджерс вовсе не миссис Роджерс. Предполагают, что она иностранка. Если сведения подтвердятся, девушку выдадут. На нее пришел запрос, и очень серьезный запрос. У себя дома она натворила дел похуже, чем подделка подписи. Так что тебе нечего стыдиться, Пол. Вполне возможно, мы с тобой сопровождаем не кого-нибудь, а террористку. Русскую террористку. Вот и прикинь, кого еще я мог позвать на такое дело?

- Да, - только и мог сказать Орлов, садясь рядом. – Ты мастер неожиданных ходов.

Но это был не последний сюрприз на сегодня.

Когда их, наконец, пригласили в зал заседаний, Орлов долго не мог разглядеть лицо женщины, сидевшей на скамье подсудимых. Рядом с ней стоял адвокат. А зал был заполнен до отказа. Все места были заняты, и толпа теснилась в проходах. Орлов, продвигаясь вслед за маршалом, слышал обрывки разговоров. Мужчины отзывались о «миссис Роджерс» весьма и весьма лестно. Она держалась достойно, она была очаровательна, она ни в чем не виновата, и ее следовало немедленно выпустить, да еще заплатить компенсацию за причиненные неудобства. Дамы же возмущались наглостью этой безнравственной особы, которая не гнушалась обслуживать грабителей поездов, а теперь, получается, ни в чем не виновата.

Решение присяжных вызвало бурный восторг мужской половины зала. Миссис Роджерс была признана невиновной в подделке подписей и подлежала освобождению в зале суда. Однако…

Голос судьи потонул в аплодисментах. Адвокат и подсудимая пылко обнялись, торжествуя победу. Сквозь шум пробился голос «миссис Роджерс»:

- Ваша честь! А как же мои сто долларов, которые были у меня отняты при аресте? Я их честно заработала! Я же не знала, что там поддельная подпись! Если меня признали невиновной, могу ли я получить свои деньги обратно?

- Погодите, мэм, я еще не закончил! – повысил голос судья. – Тишина! Тишина в зале!

Публика быстро угомонилась, почувствовав, что развязка дела может оказаться весьма интересной.

- Итак, в связи с вышеизложенным, согласно Конвенции 1887 года между правительствами Соединенных Штатов и России о взаимной выдаче преступников, передать подозреваемую представителям консульской службы на предмет установления личности и дальнейшей экстрадиции. Дело закончено. Господин маршал! - Судья отыскал взглядом Паттерсона, усмехнулся и кивнул: - Ваш ход, сэр.

В наступившей тишине маршал, позванивая наручниками, подошел к скамье подсудимых. Орлов двинулся за ним. И только сейчас смог увидеть лицо той женщины, которую ему предстояло сопровождать.

Она тоже увидела его, и ее щеки вспыхнули, и тут же покрылись мертвенной бледностью. Она отшатнулась, схватившись за адвоката.

- Ваши руки, мэм, - сочувственно попросил маршал. – Мне жаль, но таков порядок.

- Это противозаконно, - возразил адвокат. – До установления личности никто не имеет права лишать мою подзащитную свободы. Сначала потрудитесь предъявить обвинение! Миссис Роджерс только что признана невиновной, и я …

- Да, - сказал Паттерсон, защелкивая наручники. – Миссис Роджерс признана невиновной. Но российский суд хочет задать несколько вопросов женщине, которую зовут Вера Муравьева.

Маршал четко и медленно выговорил это имя. И лицо женщины снова покрылось красными пятнами.

- Это еще надо доказать! – воскликнул адвокат.

- Не надо, Генри, - тихо произнесла женщина, не сводя глаз с Орлова. – Они уже всё знают. Спасибо вам. Вы сделали всё, что могли. Жаль, в России у меня не будет такого адвоката.

***

Эта черта осталась у нее с детства – способность моментально краснеть и тут же становиться бледной, как привидение…

Троицкое, имение Орловых, находилось в семи верстах от села Высокого, где жили Муравьевы. И каждый летний день начинался для Павлуши Орлова с конной прогулки. Если в городском доме за ним присматривал англичанин Бартл, то здесь, «на воле», мальчишка находился под опекой казака Нестеренко. Тот на рассвете седлал двух кобыл, и Павлуша, едва позавтракав молоком с горбушкой, уже взлетал в седло и трусил следом за Нестеренко через влажные луга к Высокому. Так уж было заведено – все соседи сплавляли своих детишек к Муравьевым.

Усадьба Муравьевых не отличалась чистотой и порядком. Коровы, гуси и куры свободно разгуливали по двору, а за особняком много лет достраивалось огромное хранилище для редкостей, которые князь привозил из путешествий. Соответственно, повсюду можно было запачкаться известью или наткнуться босой ногой на осколок кирпича, а то и на гвоздь. Но дети любили эту усадьбу из-за ее огромного фруктового сада. Там, в глубине под деревьями, была старая заброшенная сторожка, которая служила ребятне то разбойничьей пещерой, то вигвамом индейцев, то неприступной крепостью. А еще сторожка была наилучшим местом для того, чтобы рассказывать страшные истории. Их обычно начинала старшая сестра, Катя Муравьева. Нагнав страху, она умолкала, передавая слово Саше Раевскому. А тот доводил атмосферу ужаса до предела, и в критический момент вдруг испуганно вскрикивал – и все малыши россыпью бросались вон из кошмарного места. В малышах числились Вера Муравьева, Лиза Оболенская, Николенька Ростовцев и еще кто-то…

Сейчас Орлов, естественно, не мог вспомнить всех, с кем прошли его милые детские годы. Но Вера… Ее он вспомнил сразу и узнал моментально, хотя они не виделись, наверно, лет пятнадцать. Или меньше? Их последняя встреча была мимолетной. На каком-то балу в Москве. Их свела мазурка, и Вера спросила, еле слышно, глядя в сторону: «Правду ли говорят, что вы помолвлены с Башкирцевой?»

Да, это было за год до его свадьбы. Потом он не раз встречался – и в свете, и по службе – с ее отцом, генералом Муравьевым. Тот преподавал топографию в академии Генерального штаба, где учился Орлов, затем их пути не раз пересекались. Орлов знал, что, едва Вере исполнилось шестнадцать, отец стал брать ее с собой во все экспедиции. Знал он и то, что Сергей Муравьев, старший брат Веры и Кати, был замешан в каком-то политическом деле. Однако подробности до него не дошли, да он ими и не интересовался.

И вот она стоит перед ним. И с ненавистью смотрит ему в глаза. Проститутка с парохода. Государственная преступница. Террористка. Она вернется в Россию в кандалах, словно убийца.

Орлов поднес ее вещи к пролетке – объемистый саквояж, тяжелый кожаный баул и шляпную коробку – и погрузил в багажный ящик. Когда маршал подвел Веру, Орлов подал ей руку. Но она ее не заметила. И, неловко схватившись скованными руками за поручень, взошла в коляску сама.

До самой станции пролетку сопровождала толпа зевак. Вспыхивал магний фотографических камер. Вера обворожительно улыбалась и, позванивая наручниками, посылала публике воздушные поцелуи, словно оперная дива.

Войдя в свое купе, она устало опустилась на диван и обратилась к маршалу:

- Опустите штору на окне. Я устала от людей. Не хочу никого видеть.

- Вам придется потерпеть наше общество, - сказал Паттерсон, снимая с нее «браслеты». – Пока вы не ляжете спать, один из нас будет постоянно находиться рядом. А на ночь, вы уж извините, я вас пристегну к месту, таков порядок.

- Я знаю порядок, сэр. Не стану мешать вам исполнять свой долг. Кроме того, вы так похожи на моего отца, что рядом с вами я чувствую себя как дома. Всё чудесно, сэр. У вас, наверно, замечательная семья. Много детей, любящая жена. У вас такие добрые глаза. Вы похожи на человека, которого постоянно окружают любящие люди. И это несмотря на все трудности вашей работы!

Она улыбалась маршалу и словно не замечала Орлова. Паттерсон немного смутился и сказал:

- Мне не положено с вами разговаривать.

- А вы и не разговаривайте. Говорить буду я. Для нас, женщин, самая страшная пытка – это молчание. А в камере я могла поговорить только со следователями или с адвокатом. Меня держали в одиночной камере, представляете?

- Пойду, узнаю, когда отправляется поезд, - сказал Паттерсон.

Но Орлов его опередил и первым вышел из купе:

- Я сам узнаю.

Чтобы улизнуть хотя бы на время, пришлось воспользоваться столь глупым предлогом. Оба они знали, что до отправления поезда оставалось еще двенадцать минут. Но оба вдруг почувствовали себя презренными тюремщиками, едва ли не палачами. И чувство это было настолько острым, что оба готовы были всё бросить и бежать отсюда.

***

Их вагон был первым в составе. С виду обычный пульман, внутри он разделялся на несколько купе и зарешеченных секций. В таких вагонах возили особо ценные грузы и особо опасных преступников.

В одном из купе уже расположились почтальоны, сопровождавшие несколько тяжелых мешков, сложенных рядом в секции. Их соседями были двое молчаливых курьеров. Орлов прошел по вагону, перебросился парой слов с проводником и узнал, что отправление задерживается. Что-то случилось с машинистом, и сейчас ищут сменщика, который, как назло, куда-то запропастился.

Орлов вернулся к себе. Через открытую дверь доносился голос Веры, которая продолжала свой монолог за стенкой. У нее было отлично поставленное южное произношение, как у какой-нибудь молодой аристократки из Луизианы. Она и выглядела, как истинная южанка – темноволосая, кареглазая, с тонким чуть вздернутым носиком и высокими скулами. «Неудивительно, что ей так легко удалось выдать себя за пароходную проститутку, - подумал Орлов. - За дорогую проститутку. По Миссисипи только такие и катаются, наследницы плантаторов. Интересно, откуда все-таки у нее эти деньги?»

История с банковским билетом действительно была ему гораздо более интересна, чем ответ на вопрос – а как вообще оказалась на юге Техаса русская княжна? Князь Муравьев объездил весь свет, а Америку исходил вдоль и поперек, и Вера всегда была с отцом. Так почему же ей тут снова не оказаться? Это не удивительно. Удивительного вообще не так много в жизни. Даже то, что поначалу кажется странным, на поверку оказывается чем-то таким, что уже встречалось не раз. И не оставляет после себя ничего, кроме разочарования.

В купе заглянул Паттерсон:

- Ты здесь? Смени меня. Мне надо переговорить с начальником поезда.

- Ага, не вытерпел, - усмехнулся Орлов.

- Посмотрим, долго ли ты продержишься.

- За меня не волнуйся. Я знаю секретное слово. Как только его скажу, любая болтушка теряет дар речи.

- Посмотрим, посмотрим.

Маршал Паттерсон заторопился к выходу, однако остановился на полпути и изумленно оглянулся: в купе, где только что щебетала без умолку их разговорчивая попутчица, вдруг установилась гробовая тишина.

Орлов сидел рядом с Верой, уставившись в стенку перед собой. На стенке было небольшое зеркало, и, если скосить глаза, в нем можно было увидеть лицо соседки. Ему стоило больших трудов не глядеть в это зеркало, и не поворачиваться к ней. Он даже отвернулся для того, чтобы не вдыхать запах ее духов.

Он услышал голос Паттерсона за окном. Маршал, выйдя из вагона, разговаривал с кем-то на перроне.

- Судя по всему, мы еще не скоро тронемся, - негромко произнес Орлов.

Обычная фраза. Из тех, какими принято обмениваться с попутчиками. Но Вера выпрямилась, гордо вскинув голову. В зеркале было видно, что ее глаза пылают гневом.

- Но это не страшно, – продолжал он. – Главное, перевалить через горы, а дальше будет ровное пространство, поезда там разгоняются, так что наверстаем.

Он говорил по-русски. Она же перебила его по-французски:

- Не тратьте время попусту, сударь. Я не разговариваю с жандармами.

- Я не жандарм.

- С филерами и провокаторами я тоже не разговариваю.

- Но…

- И будьте любезны соблюдать установленный порядок, сударь. Вам запрещены разговоры с преступниками, не так ли?

Скрестив руки на груди, она откинулась на спинку дивана и закрыла глаза.

- Я хотел спросить, как здоровье вашего батюшки.

Ее лицо оставалось каменным. Орлов разозлился и вышел из купе. «Ничего, ничего, - подумал он. – До Сан-Антонио путь неблизкий, еще наговоримся».

5. Пульман. Проверка на прочность

Поезд покинул станцию на закате, с опозданием на два часа, и тащился еле-еле, кренясь на многочисленных извивах пути. Темнота сгустилась быстро. Едва в вагоне зажглись лампы, Паттерсон пожелал даме спокойной ночи и запер дверь.

Увидев на его поясе наручники, Орлов спросил:

- Ты не боишься нарушать установленный порядок?

- Хочешь знать, почему я не пристегнул ее? Она не убийца. На окнах решетка, дверь на замке. Не убежит. – Паттерсон расставил фигуры на доске. – Что скажешь? Я не прав?

- Тебе виднее.

- Я читал запрос на нее. Ей вменяют покушение на государственных чиновников. И много чего еще. Но убийства в этом списке не было. Она не убийца.

Орлов сдвинул свою пешку, маршал – свою, Орлов вывел вперед коня, маршал – слона.

- Как насчет пива? – спросил Паттерсон.

- Я пас. Не пью в дороге.

- Я тоже. Тем более, когда сопровождаю государственного преступника. Ты поговорил с ней?

- Нет, - сказал Орлов.

- Неужели даже словечком не перекинулся? Если бы я где-нибудь в России встретил девчонку из Техаса…

- Ты теряешь ладью, - Орлов поводил пальцем над доской, указывая маршалу на оплошность.

- Черт с ней. Нет, ты скажи мне, как же так? Она, наверно, была бы рада узнать, что с ней едет земляк.

- Скоро она увидит много земляков, - сказал Орлов. – И проведет среди них остаток своих дней. Государственные преступники обычно не возвращаются с каторги.

- В России женщину могут отправить на каторгу?

- Почему нет? – Орлов крутил в пальцах пешку, задумчиво глядя на доску. - Я вот только одного не понимаю – как ее нашли? Ладно бы в Нью-Йорке, там среди эмигрантов хватает полицейских осведомителей. Но у нас, в Техасе? Не понимаю.

- Да очень просто. Уж больно приметная дамочка. Все газеты печатали ее портреты. Судья говорит, что уже через неделю после ареста заявились к нему двое из сыскного агентства, показали карточку. Не газетный снимок, а судебный. Девушка уже побывала в русской тюрьме. Ее выпустили. Она бежала за границу.

- Что за агентство?

- Не знаю. Судья с ними раньше не сталкивался. Они разыскивают беглых преступников по заказам иностранных дипломатов. На девушку поступил заказ, они только-только начали раскидывать свою сеть, как вдруг она попалась на банкнотах. Эх, глупышка… Думала, что здесь сможет затеряться. Не вышло. И почему она не спряталась в Аргентине или хотя бы в Колумбии?

- Потому что испанского не знает. А Техас для нее как дом родной.

Паттерсон вздохнул.

- Вот тебе и дом. Значит, каторга? Несладко ей придется. Наша тюрьма покажется раем.

- Почему ее не выдали сразу?

- Как же можно выдать из-под следствия? Если бы присяжные ее не оправдали, она бы мотала срок у нас. И выдали бы ее только после освобождения. Черт! Если б адвокат знал, чем все кончится, он бы так не старался…

Они снова замолчали, постепенно втягиваясь в бой между черными и белыми деревянными фигурками, и стараясь не думать о женщине, что осталась за стеной.

Ночью поезд остановился у водокачки. Орлов не спал. Он глянул в окно, пытаясь определить, как далеко они отъехали. По черноте, окружавшей поезд, он понял, что вокруг теснятся горы. Значит, локомотив еще долго не сможет разогнаться. «Опоздаем, - подумал он. - Хотя – куда нам спешить?»

Стоянка затягивалась, и он задремал, убаюканный тишиной. Его разбудило смутное ощущение тревоги. Поезд уже снова двигался, но как-то необычно. Колеса стучали чаще, скорость заметно выросла. Вагон трясло и болтало так, что шахматы в деревянной коробке выбивали мелкую дробь.

Орлов встал и выглянул в коридор. Там он увидел одного из курьеров. Тот стоял, прижавшись лицом к стеклу, и пытался что-то разглядеть за окном. Второй курьер показался из тамбура.

- Нас… Нас отцепили, - дрогнувшим голосом сообщил он. – На площадке кто-то стоит. Пытается войти. Я подпер дверь, но…

- Вот подонки, - сказал его пожилой напарник, оторвавшись от окна. - Значит, паровоз захвачен. Сейчас отгонят подальше и начнут трясти. Обычное дело.

- Что будем делать?

- Запремся и будем ждать рассвета. В пульман им не войти. Ну, стекла побьют, и что? – Он глянул на Орлова. – Хорошо, что с нами едет маршал. Если он с ними поговорит, они могут и отступить. Бандиты не любят связываться с властью.

Курьер, седой крепыш с обветренным лицом, говорил спокойно, с ленцой, как о чем-то вполне заурядном. Однако руку держал на поясе, и пальцы нервно барабанили по кобуре.

- Я знаю эту линию, - сказал Орлов. – Здесь много заброшенных веток. Могут оттащить нас к какому-нибудь старому прииску или разрушенному форту. Тогда у них будет много времени, чтобы вскрыть вагон.

- Чего гадать? – Курьер пожал плечами. – Что будет, то и будет. Запасемся водой и разложим патроны под руку. Нас скоро начнут искать. И найдут. У этих подонков - никаких шансов. Я знаю, что говорю. Не первый год на службе. В Вайоминге, в Монтане, в Колорадо, где меня только ни пытались ограбить. И никому это не удалось. А местная шваль – она способна только воровать коз у мексиканцев. Пульман им не по зубам.

Из купе выглянул Паттерсон.

- Вагон отцепили от поезда, - сказал он.

- Это уже не новость, - сказал ему Орлов.

- Да? – Маршал зевнул. – Тогда я, пожалуй, еще посплю. Пока нет других новостей.

Откатилась дверь купе, в котором ехали почтальоны. Без лишних слов они отомкнули замок решетчатой секции и принялись перебрасывать мешки к себе.

- Чтоб не загорелось, - сказал один из них.

Орлов оглянулся:

- Все на месте. Но где проводник?

- Смылся, - сказал пожилой курьер. – Видать, сошел на водокачке, и не вернулся. Плохо, что у него ключи. Он мог их отдать. Так что двери надо укрепить.

Вагон болтало все сильнее, дорога шла под уклон, и всем стало ясно, что паровоз перевели на какой-то старый путь. Где он остановится? Когда? Это не имело значения. Они действовали быстро и слаженно, будто всю жизнь только тем и занимались, что готовили пульмановский вагон к осаде. Откидными диванами заслонили оконные проемы, чтобы укрыться от пуль. Сняв двери свободных купе, перегородили ими оба входных тамбура. Воду, что была в вагонном баке, разлили во всю имеющуюся посуду. Для этого пришлось вылить из бутылок

пиво. Виски не тронули - может пригодиться для обработки ран. Для этой же потребности разодрали на бинты пару чистых простыней. И каждый мысленно помолился, чтобы они не понадобились.

Орлов, постучав, заглянул к Вере. Она гневно сверкнула глазами из-под одеяла:

- Извольте выйти вон!

«Ага, уже по-русски! – отметил он. – Добрый знак».

Не отвечая, он присел на соседний диван, откручивая его спинку от стены. Приставил ее к окну и прихватил ремнем к оконной решетке.

- Если услышите выстрелы, сядьте на пол, - сказал он. – И оставайтесь на месте, не суетитесь.

- Выстрелы? - Вера откинула одеяло и села, торопливо натягивая туфли. Она была одета, и все пуговки на ее платье были застегнуты. – С чего бы вдруг мне могут послышаться выстрелы?

- Могут и не послышаться. Но лучше быть готовым к худшему.

- Выстрелы – это не самое худшее, - сказала она.

Он еще раз оглядел купе и снял с багажной полки сложенные одеяла и шляпную коробку, потому что они могли загореться.

- Вы уже не считаете меня провокатором? – спросил он.

- Почему вы так решили?

- Разговариваете со мной.

- Провокаторы – тоже люди. Они совершили ошибку, встав на сторону врага. Но ошибку можно исправить.

- Вера Николаевна, за что вы меня так? Вы же ничего обо мне не знаете.

- Может быть, я чего-то и не знаю. Но мне достаточно того, что я вижу. Однако оставим дискуссию. Лучше извольте объяснить, что происходит.

- Происходит ограбление поезда.

- Понятно, - сказала она и посмотрелась в зеркало. – Выйдите, Павел Григорьевич. Мне надо причесаться.

***

Паровоз остановился так резко, что Орлов едва удержался на ногах. По крыше вагона загрохотали шаги, и молодой курьер вскинул револьвер к потолку. Паттерсон схватил его за руку:

- И не думай!

- Я бы засадил ему между ног!

- Железную крышу ты не пробьешь, а новых патронов нам никто не подвезет. Терпение, мой юный друг, терпение!

На крыше возились несколько человек. Громыхало железо, прогибаясь под ногами, что-то скрежетало…

- Вентиляция, - догадался Орлов. – Они срезают вытяжные колпаки. Неужели хотят залезть через них?

- Встретим, - сказал пожилой курьер и тоже достал револьвер.

Снаружи послышались голоса и конский топот.

- Большая компания, - почему-то шепотом произнес маршал. – С ними придется долго возиться. Когда их много, они смелые.

Камень со звоном ударился об окно и отскочил. Орлов только успел порадоваться тому, какие крепкие стекла стали делать на заводах Пульмана, как загремели выстрелы. Стекло раскололось. Спинка дивана, прикрывающая окно, затряслась под ударами, ощетинилась щеп-

ками, но ни одна пуля не залетела в проход. Из разбитого окна потянуло холодным воздухом, в вагоне запахло пороховым дымом, смешанным с паровозной гарью.

- Эй, пассажиры! – раздался насмешливый молодой голос. – Поезд дальше не пойдет. Вылезайте! Приехали!

Паттерсон приблизился к окну:

- Эй, парни! Меня зовут Натаниэль Паттерсон. Я федеральный маршал. Вы знаете, что дают в суде за покушение на жизнь маршала? Виселица, и без разговоров!

- Не станем доводить дело до суда, - ответил ему другой голос, более солидный. – Маршал, добрый вечер! Меня зовут Мэтью Стиллер. Ты, должно быть, слышал о взорванных вагонах в Вайоминге и Калифорнии. Это – моя работа. Сегодня я сделаю то же самое в Техасе. Понимаешь, к чему я клоню?

- Понимаю, - с досадой ответил маршал. – Только ничего у тебя в этот раз не выйдет.

- Посмотрим.

Орлов подкрался к задней двери, прислушиваясь к тому, как за ней, на площадке, кто-то лязгает отмычкой, пытаясь вскрыть замок. Ему очень хотелось выстрелить в бандита через тонкую жесть двери. Но время для стрельбы еще не настало.

Он услышал, что на площадку забрался еще кто-то, и уже двое принялись поддевать и раскачивать дверь.

«Откройте, откройте ее скорее, - думал он, наведя ствол револьвера на все расширяющуюся щель. – Откройте, вас ждет сюрприз тридцать второго калибра».

Но дверь так и не поддалась. Бандиты негромко переругивались.

- Заложить бы сюда! – сказал один.

- Здесь без толку. Лучше бы еще добавить на крышу, - ответил второй.

Вдруг дверь перестала дергаться, и Орлов услышал, как эти двое спрыгнули на гальку насыпи.

- Эй, маршал! – снова раздался голос главаря. – Я мог бы и не болтать с тобой. Ты мне не нужен, и ключи мне не нужны. Я просто предлагаю тебе жизнь, а ты отказываешься. Вылезай и уходи!

- С чего бы мне вылезать? У меня билет до Сан-Антонио!

- Тебе весело? Скоро станет еще веселей. В Вайоминге у меня было только шесть зарядов динамита, и я вынес из поезда только один сейф. В Калифорнии у меня был ящик динамита, и я смог обчистить весь почтовый вагон. Сегодня у меня два ящика. Как думаешь, сколько добычи я унесу сегодня?

- Тебе повезет, если ты унесешь ноги, - крикнул в ответ Паттерсон.

«Заложить бы сюда? Добавить на крышу? - мысленно повторил Орлов то, что удалось подслушать. – Они говорили о динамите? Если заложить заряд в вентиляцию, взрыв может сорвать крышу. А если заряд мощный, то и весь вагон разойдется по швам, как консервная банка. Но даже если там всего один патрон, нам все равно не поздоровится».

Убедившись, что атаки со стороны тамбура не будет, Орлов отступил к маршалу.

- Нэт, есть одна идея. Постарайся потянуть время. Торгуйся с ними. Задержи их. Обещай все, что угодно. Мне нужно время.

Паттерсон кивнул и снова придвинулся к окну:

- Эй, Мэтью! Не знаю, кто тебе дал наводку, но больше не имей с ним дела! Вагон-то пустой! Я везу арестанта, в почте – одни бумажки, вагон пустой, тебе говорю!

- Вот открою, тогда и посмотрим!

- Не трать время! Скоро тут будут наши ребята, и тебе не уйти!

- Не волнуйся, маршал! Твои ребята крепко спят! А что насчет почтовых бумажек, так они мне и не нужны. Вы можете даже забрать их с собой, когда уйдете. Я последний раз предлагаю! Уходите! Мне нужен только сейф!

- Сейф? Какой сейф? – Паттерсон оглянулся на курьеров, те отрицательно помотали головами: сейф был пуст. Но Орлов подмигнул ему, и маршал продолжил: - Тот, что стоит в бронированном отсеке? Так тебе до него не добраться!

Стиллер ответил ему, но Орлов уже не вслушивался в их спор. Найдя в хозяйственном закутке стремянку, он поднялся по ней к вентиляционной решетке. Ножом отодрал ее и осторожно просунул руку вверх. Почти сразу его пальцы наткнулись на липкие картонные цилиндры. Два динамитных патрона свисали сверху.

- … Зачем тебе брать на себя лишние статьи? – продолжал свои переговоры маршал. - Мы можем договориться! Если ты дашь гарантии, мы уйдем и оставим тебе ключи от сейфа. Но ведь мы можем и сломать эти ключи!

- Обойдусь без ключей! Можешь забрать их с собой! Давай, маршал, открывай двери и уходи! Путь свободен!

- Э, нет, я должен убедиться!

«Стиллер так уверен в успехе, потому что у него и в самом деле много динамита? - думал Орлов, закатывая рукава сорочки. - Или он блефует? В любом случае сейчас его запас взрывчатки станет меньше».

Он снова запустил обе руки в отверстие в потолке и закрыл глаза, чтобы сосредоточиться. Крики, пыхтение паровоза – все эти звуки постепенно отступили, угасли, и только гулкие удары сердца продолжали отдаваться в голове и в кончиках пальцев. Он успокоил дыхание и нащупал место соединения шнура, патрона и детонатора. Это были патроны нового образца, с гнездом для взрывателя. Очень удобно. Раньше детонатор надо было привязывать, а сейчас можно просто воткнуть. Да вот беда – можно ли его так же просто вынуть из гнезда? Капсюль – штука капризная. А если сработает? Орлов замер на стремянке, и только его рука с ножом медленно пробиралась все выше. Сейчас он мог рассчитывать только на остроту своего ножа. Лезвие должно перерезать бикфордов шнур без нажима, без рывков, нежно и ласково…

Патроны мягко легли ему в ладонь, как срезанный плод. Он отдышался и спустился по шаткой стремянке. Закатанным рукавом вытер взмокший лоб.

- Это не всё, - сказал курьер, принимая у него динамит. – Они возились еще вон там.

- Знаю. Снимем все, что они приготовили. – Орлов переставил стремянку и тщательно протер лезвие ножа. – Не держите их в руках. Говорят, у нас есть сейф?

Маршал охрип, препираясь с несговорчивым бандитом, однако так ни о чем и не договорился. Он облегченно вздохнул, когда Орлов показал ему скрещенные руки: «конец».

- Эй, Мэтью, слушай мое последнее слово! – закричал Паттерсон. – Ты оставляешь у вагона десять оседланных лошадей! И отводишь своих ребят подальше! Мы уходим! Ключи найдешь возле сейфа! И у тебя будет несколько часов, чтобы добраться до реки! Уходи в Мексику, потому что в Техасе тебе теперь жизни не будет!

- Заманчивое предложение, - ответил главарь. – Но я не могу принять столь щедрый подарок. Мой тебе совет, маршал: прикрой уши, потому что мой ответ будет очень громким. Очень, очень громким! Поджигай!

«Они разбегаются, - понял Орлов, услышав торопливые шаги вокруг вагона. – На крыше никого нет, значит, шнур спущен до земли. Будет гореть долго».

В наступившей тишине тяжело дышал паровоз, стравливая пар. Орлов жестом поманил за собой маршала:

- Нэт, прикрой!

Он освободил проход к переднему тамбуру и, выждав немного, открыл дверь. Никого. С ножом в зубах перебрался в тендер и спрыгнул на угольную гору. И здесь чисто. Прокрался к будке машиниста. Никого не было и здесь. Все разбежались в ожидании мощного взрыва. «Слава Богу», - подумал он, пряча клинок в ножны.

Кинул взгляд на манометр. «Давления пара хватит, чтобы тронуться. А потом кого-нибудь приставим к топке. Молоденького курьера, вот кого. Судя по всему, стрелок из него никудышный, вот и пусть лопатой поработает». Он перевел рычаг на задний ход и отпустил тормоза. Паровоз вздрогнул и со скрежетом подался назад.

Снаружи раздались крики и свист. Орлов выстрелил по двум теням, которые метнулись к паровозу. Через мгновение темноту рассекли вспышки выстрелов, по будке забарабанили пули. Но паровоз уже катился назад, еле заметно набирая ход. Что-то скрежетало по рельсам, и вдруг замолкло – наверно, колеса справились с какой-то преградой.

- Всё, - сказал Орлов, - поехали.

Он уловил какое-то движение рядом с паровозом и выстрелил через окно. Бил наугад, но попал – раздался вопль.

Пуля влетела в будку и звонко ударила по стене. Орлов присел и выставил руку над собой, направив револьвер в окно. Выстрелил пару раз и принялся перезаряжаться.

- Это я, не стреляй! – крикнул Паттерсон, скатываясь к нему по куче угля. – Привел кочегара!

Орлов увидел за ним молодого курьера и, бесцеремонно отобрав у парня кольт, подтолкнул к топке:

– Не высовывайся, они будут стрелять по будке! Но мы их отрежем! Ну-ка, дай жару!

В облаках пара мелькнул еще один силуэт, и маршал выстрелил первым.

- Я одного боюсь! – крикнул он. – Если у него два ящика! Рельсы снесет!

- Не подпускай их к рельсам! Иди в вагон, я тут справлюсь!

Паттерсон, пригнувшись, отправился в обратный путь. Орлов двинулся следом. Забравшись повыше, он стал стрелять через борт тендера по тем, кто приближался к паровозу. Сектор обстрела здесь был просто идеальный – почти круговой. Стальные стены надежно защищали его от пуль, к тому же противник вел огонь не по тендеру, а по будке.

Локомотив пыхтел все чаще и чаще, и заметно разгонялся. Из вагона тоже началась пальба по бандитам, которые метались вокруг, среди вспышек выстрелов и дыма. Но вот они все разом куда-то пропали, и до Орлова донесся перестук копыт. «Уходят? Будут взрывать путь где-то впереди!»

- Давай, давай, больше жару! – крикнул он парню у топки, а сам заторопился в вагон.

В проходе слоями висел пороховой дым. Почтальоны стояли у разбитых окон с винчестерами, в дальнем конце, у тамбура сквозь дым виднелся синий сюртук Паттерсона. Орлов схватил почтальона за плечо:

- Давай вперед! Бейте вдоль рельсов! Под пулями они побоятся закладывать динамит!

- Все равно не успеть.

- Успеем!

Маршал уступил место почтальону и присел на откидной табурет в проходе, загоняя патроны в барабан кольта.

- Слушай, Пол, ты ведь знаешь эти места, так?

- Немного.

- Забирай дамочку. И дуй с ней в Сан-Антонио своим ходом.

- Пешком? Мы так не договаривались. Ты же обещал мне первый класс. Кормежку. Матч-реванш.

- Шутки в сторону. Забирай дамочку. Нечего ей тут делать. Пока они будут с нами возиться, ты выйдешь на дорогу. Если я приеду в Сан-Антонио раньше тебя, буду ждать в суде. Если ты первый – меня не жди, сдай ее по ордеру. – Маршал встал, с треском прокрутив барабан. Затем достал из-за пазухи сложенную бумажку и снял с пояса наручники. – Вот ордер. И возьми «браслеты», они иногда заменяют напарника. Всё, не трать время, а то разгонимся так, что она побоится спрыгнуть. Двигай, Пол.

Вера сидела на полу в своем купе, обхватив голову руками.

- Уходим, - Орлов подал ей руку и рывком поднял на ноги.

- Куда?

- Быстрее!

- Мои вещи!

Он выдернул ее за собой и чуть ли не поволок по проходу.

- Пол! Воду не забудь! – крикнул вдогонку Паттерсон.

Орлов вывалил все из своей сумки и сложил в нее две фляги с водой, несколько пачек патронов и сверток с лепешками, которые он купил перед отправлением. Он еще успел сдернуть с верхних полок два сложенных одеяла и бросил их Вере:

- Не потеряй! За мной!

Открыв вагонную дверь, он встал на подножке, вглядываясь вперед. За спиной пыхтел паровоз, выбрасывая снопы искр в ночное небо. Ветер бил в лицо, и Орлов подумал, что Вера может испугаться и не спрыгнуть. Он повернулся к ней.

- Иди сюда.

- Куда?

- Ко мне!

Она осторожно шагнула к нему, и он обхватил ее за талию. Крепко прижал к себе и приподнял, словно борец, пытающийся бросить противника через бедро. Вера возмущенно ахнула и замахнулась, чтобы ударить его. Но он уже оттолкнулся от подножки и полетел спиной вперед.

Щебенка заскрежетала под ногами. Он бежал с Верой на руках, ожидая, что вот-вот упадет. Он перебирал ногами так быстро, как только мог, но не мог угнаться за собственным телом, которое тянулось вперед и вниз. Струя пара нагнала его и ударила по ногам, и черная туша локомотива пронеслась в опасной близости. Орлов, теряя равновесие, смог развернуться. Упал на спину, и заскользил вниз по насыпи, и Вера обнимала его, и вскрикивала, а они все скользили куда-то, перевернулись пару раз, и вдруг какая-то сила разорвала их объятие, и они остались лежать в нескольких шагах друг от друга.

6. Изменения в маршруте

Наконец-то у него появилось время подумать. Несколько секунд он лежал, стараясь отдышаться, Потом сел и ощупал ноги. Брюки порвались на коленях, и пальцы нащупали кровь, но это были всего лишь ссадины. Он осторожно встал и огляделся. Шум паровоза доносился глухо, и его огней не было видно. «Значит, он завернул куда-то между скалами», - подумал Орлов.

Маршал все решил быстро, но быстрые решения не всегда самые лучшие. Может быть, стоило все же остаться в вагоне? Ведь во время боя каждый человек на вес золота. Может быть, вшестером им было бы легче отбиваться, чем впятером?

Может быть, может быть. Хотя… Слишком многое зависит от противника. Если в банде человек двадцать, то между пятеркой и шестеркой нет разницы. А в банде, возможно, и больше, чем два десятка. И это была не простая банда. Организовать перехват поезда, захватить локомотив - рядовая шайка не пойдет на такое дело. И то, как они уверенно обращаются с динамитом, выдавало в них опытных людей. А опытные люди постараются избежать лишнего риска. Значит, они создадут численный перевес. Может, костяк банды состоит из трех-четырех преступников. А на крупное дело они набирают друзей с разных концов штата. Потом все рассыпаются в разные стороны. Полиция будет искать крупную банду, и никого не найдет. Да, так они обычно и поступают. Значит, маршал был прав. И если бы Вера осталась в вагоне…

Вера застонала, и он присел рядом с ней.

- Ты как?

- Это безумие… Если ты хотел меня убить, нашел бы более гуманный способ.

- Идти сможешь?

- А если нет?

- Понесу на руках.

- До самого консульства? Или сразу до Шлиссельбурга[4]?

В темноте он не мог разглядеть выражения ее лица, но по голосу понял, что Вера едва удерживается, чтобы снова не застонать от боли.

- Ушиблась? Ногу подвернула?

- Оставьте меня в покое, Павел Григорьевич. И отвернитесь, мне надо оправить платье.

- Тут темно, - сказал он, однако все же встал и повернулся к ней спиной, чувствуя себя последним идиотом.

Вера шуршала платьем, и он отошел дальше, чтобы не смущать ее. Поднявшись по насыпи, он замер – где-то рядом цокали копыта.

«Кто-то отстал от шайки? Почему же не торопится догнать?»

Едва не прижимаясь к рельсам, он перебрался на другую сторону насыпи и затаился там. Лошадь приближалась. Ход ее был неровным, словно кто-то то и дело придерживал ее, а затем снова отпускал.

«Он осматривает насыпь? Неужели они додумались, что кто-то мог спрыгнуть с поезда? Могли заметить?»

Орлов терялся в догадках. Он крался наперерез лошади скорее из любопытства, чем по необходимости. Впрочем, и охотничий азарт им двигал, и злость, да и лошадкой обзавестись было бы неплохо. Он не любил стрелять в темноте, но сейчас не было выбора. Следовало максимально сократить дистанцию, чтобы бить наверняка. Всадника можно будет разглядеть на фоне светлеющего неба…

[4] Шлиссельбург – в царской России политическая тюрьма с крайне суровым режимом

И только он это подумал, как отчетливо разглядел лошадь. Лошадь без всадника. Ему понадобилось еще мгновение, чтобы понять – хозяин лошади волочится за ней по земле, застряв ногой в стремени.

Уже не таясь, он побежал за испугавшейся лошадью и схватил ее под уздцы. Когда он попытался высвободить стремя, человек жалобно вскрикнул.

«Живой, - подумал Орлов. – Плохо».

Осторожно, чтобы не вызвать новых криков, он вывернул застрявшую ступню и бегло осмотрел раненого. Вывихнутая нога и простреленное бедро – от этого не умирают. Во всяком случае, не так быстро, как требовала обстановка.

Он уже вынул нож, но заметил, что на бандите хороший меховой жилет. Ночью в горах холодно. Жилет пригодится Вере, поэтому не надо пачкать его кровью. Орлов перевернул раненого, вытряхнув его из жилета, и только потом перерезал ему горло.

Лошадь захрипела и задергала головой, почуяв запах крови. Орлов быстро повел ее прочь, к насыпи, на ходу ощупывая седло. Пара увесистых сумок, винчестер в седельной кобуре, тяжелая плоская фляга – таким трофеям можно было порадоваться. И он бы радовался, если б не покойник, оставшийся за спиной.

Наверно, его можно было и не убивать. Но капитан Орлов не оставлял подранков. После боя можно проявить милосердие и перевязать раненых врагов. Но это – после боя. А бой капитана Орлова еще только начинался.

Громовой раскат прокатился в ночи, отражаясь от скал. «Взорвали, - подумал Орлов. – Неужели пустили под откос? Держись, Нэт, держись».

Как бы он хотел сейчас оказаться рядом с маршалом! Паттерсон был единственным человеком в Техасе, кого Орлов мог бы назвать другом. Они виделись не слишком часто, и только по делу. При встречах почти не разговаривали. Потому что им все было ясно без лишних слов. Каждый знал, что если понадобится, он не останется без поддержки. И вот сейчас им пришлось пробиваться в одиночку.

Орлов и забыл, что рядом с маршалом есть хотя бы четверо, а он тут – совсем один. Те четверо – не в счет. Не с ними Паттерсон ходил на аресты, не с ними выбивал из каньона залетную банду, не с ними хоронил друзей… «Держись, Нэт», – повторил Орлов, услышав еще один раскат взрыва.

- У меня растяжение, - сказала Вера. – Я не могу идти.

Он помог ей привстать и подхватил на руки.

- Что вы себе позволяете!

Орлов поднялся с ней по насыпи, перешагнул рельсы и поднес Веру к лошади:

- Извините, сударыня, дамского седла не нашел.

Подсадив ее, он увидел, что одна ступня Веры туго обмотана платком.

- Болит?

- Это не имеет значения. Что это там гремит все время?

- Наверно, бандитам удалось остановить вагон. Там еще долго будет греметь.

Он повел лошадь вдоль рельсов, туда, где в темноте смутно белели какие-то низкие строения. Выстрелы за спиной продолжали гулко отдаваться среди скал.

- Куда ты меня везешь?

- Переночуем здесь. Это старый прииск. А утром сориентируемся.

- Что за прииск? Что здесь добывали?

Он понятия не имел об этом прииске. Больше того, он вообще не знал, прииск это или просто тупик. Но ответил уверенно и спокойно:

- Сначала свинец, потом серебро. Потом глину. А сейчас мы откроем здесь гостиницу.

- Здесь нет серебра. И не может быть. – Она зашевелилась в седле и ойкнула от боли. - Серебряный пояс заканчивается в южном Колорадо. А здесь предполагались залежи нефти.

- Да здесь повсюду предполагаются залежи нефти. И здесь, и в Мексике. – Он замолчал, встревоженный тем, что перестрелка утихла. Но вот опять затрещали далекие выстрелы, и Орлов заговорил снова: - Если не секрет, чем ты занималась в Техасе? Тоже искала нефть?

- Вам не терпится начать допрос?

Орлов снова разозлился на нее. И больше не проронил ни слова, пока они, наконец, не добрались до места.

Это были развалины саманных хижин. Ни на одной не осталось крыши, но стены давали хоть какое-то укрытие от холодного ветра. Орлов завел в пролом лошадь и снял Веру с седла. Ногой разгреб сор в углу, освободив достаточно места, чтобы расстелить одеяло.

- Ложись.

- Ты думаешь, я способна спать рядом с кобылой?

- Можешь не спать. Ложись. Надень вот это, к утру будет холодно.

Он протянул ей жилет. Но Вера не надела его, а свернула и уложила вместо подушки.

- Вы, сударь, будете охранять мой сон, маршируя вокруг? – по-французски спросила она, укладываясь.

- Вот еще! - Орлов раскатал на полу одеяло, обнаруженное им за седлом. Лег и перекатился с боку на бок, завернувшись, будто в кокон. – Постарайся заснуть. У нас есть часа два. Потом начнет светать. К рассвету мы должны убраться отсюда подальше.

Кобыла вдруг принялась мочиться. Струя, окутываясь паром, била в землю и гнала волны пыли.

Вера засмеялась:

- В такой гостинице я еще не останавливалась. Много чего повидала. Но душ из лошадиной мочи принимаю впервые.

- Она расслабилась, – сказал Орлов. – Она нас не боится. Теперь она с нами. Лошади понимают гораздо больше людей. Она нас боялась. Может быть, думала, что я хочу ее зарезать.

- Ты способен зарезать лошадь?

- Не знаю. Но и она этого не знала. И дрожала от страха. А теперь увидела, что мы спокойно легли, спокойно разговариваем. Увидела это и расслабилась. Она увидела, что мы пришли домой. Значит, и она дома. Значит, можно никого не бояться.

- Мочеиспускание есть процесс рефлекторный, и происходит по мере наполнения мочевого пузыря. Я вам это сообщаю как медик. И лошади не умеют дрожать от страха. Они дрожат от холода.

- Откуда ты знаешь? Расспрашивала лошадей?

- Наука использует другие методы познания. Настоящий ученый не берет показания у тех, кого изучает. Потому что показания никогда не содержат всей правды. Вам, Павел Григорьевич, это хорошо известно. Вы ведь в охранке служите.

- Не служу я в охранке.

- Ну, не служите, так подрабатываете. Это еще хуже.

Орлов повернулся к ней спиной. Он понимал, что Вере сейчас хочется поговорить - чтобы заглушить боль, чтобы не слышать далеких выстрелов, да и просто потому что женщина не может долго молчать. Но у него было слишком мало времени. Надо спать. Вера обидится. Но два часа сна для него сейчас важнее, чем ее обиды. Ему предстоит тяжелый день.

Он спал чутко, готовый вскочить при малейшей опасности. Когда Вера зашевелилась в своем углу, он на секунду насторожился. Но тут же уснул снова. И никак не отреагировал на то, что она легла рядом, и прижалась грудью к его спине, и укрыла его и себя меховым жилетом, а сверху еще и своим одеялом. Вдвоем им было теплее, но ему все труднее было изображать крепкий сон, потому что от запаха ее духов кружилась голова. Он все же заставил себя хотя бы

подремать еще немного. Когда небо в прогалине между стенами стало серым, Орлов осторожно выбрался из-под одеяла.

- Нам пора, - сказал он, услышав, что Вера перестала посапывать во сне.

Она не ответила, притворяясь, что спит.

«Оставлю ее здесь, - подумал Орлов. – Куда она денется? Я обернусь за пару часов. Пусть поспит еще. Жалко ее. Натерпелась. А сколько еще ей предстоит вытерпеть. Ничего с ней не случится, пока меня не будет».

Орлов прихватил с собой трофейный винчестер и флягу с водой. Прикинул расстояние, на которое мог уйти поезд до взрыва. Можно было бы отправиться верхом. Но если он захочет срезать угол, перевалив через скалы, то лошадь будет только обузой.

Светало быстро, и скоро он уже мог разглядеть склоны, между которыми пряталась блестящая дуга рельсов. «Да, их вполне можно будет пересечь», - решил капитан Орлов и отправился на разведку пешком.

Он отошел шагов на сто, и вдруг круто развернулся и зашагал обратно.

Во всем, без сомнения, были виноваты ее духи. Недаром у него так голова кружилась, недаром. Вера умышленно прижималась к нему ночью. Уже ей-то хорошо известны все приемы и уловки, от которых мужчины теряют последние капли рассудка.

Как он мог довериться ей? Как мог бросить одну без присмотра? Несомненно, и растяжение – сплошная выдумка!

Еще и лошадь ей оставил! Верхом, с запасом воды и пищи, она может уйти далеко. Места эти, по всей видимости, ей знакомы.

Оружие? Возможно, в бандитских сумках завалялся револьвер. Но она обойдется и без него. Она вооружена женской хитростью, изворотливостью и коварством, а эти штучки бьют посильнее любой пули.

Войдя в хижину, он увидел, что Вера сидит на земле и растирает обнаженную до колена ногу.

- Проснулась? Вот и хорошо, - сказал он, немного смутившись. – Нам пора.

- Я понимаю, что с арестанткой можно не церемониться, - ответила Вера, продолжая разминать лодыжку. – Можете понаблюдать. Вам будет полезно. При растяжении голеностопного сустава следует сначала, по возможности, приложить холод. Затем – тугая повязка. Через несколько часов повязку снять, восстановить кровообращение. И снова перевязать сустав. И повторять процедуру двое-трое суток. Наблюдайте, наблюдайте.

- Думаешь, я никогда не видел женских коленок?

- Думаю, что ты редко получаешь такое зрелище бесплатно.

- Поторопись, - буркнул он, выводя лошадь.

Вера вышла, прихрамывая и хватаясь за стенку. Орлов подсадил ее на круп лошади, а сам сел в седло.

Он неспешно скакал вдоль рельсов, пока ветер не принес запах гари. Оставив кобылу под скалой, Орлов живо стал взбираться по крутому склону.

Когда он поднялся на самый верх, взошло солнце. Серые макушки скал, согретые первыми лучами, становились желтыми, бурыми, рыжими. Но внизу, в ложбинах и распадках, еще стоял густой ночной мрак. Впрочем, тени на скалах опускались все ниже, и вместе с тенью спускался Орлов. Он спешил побыстрее убраться с голого склона. Солнце – первейший враг разведчика. За исключением тех случаев, когда оно бьет в глаза противнику.

Он успел добраться до удобной скальной площадки и залег там между двух валунов. Еще минута, и солнце согрело его плечи. Орлов замер, разглядывая вагон, стоящий на рельсах. Вокруг него темнели воронки. «Наверно, наши отбивались, бросали из окон динамит, - подумал он. – Вот почему было столько взрывов».

Свет, наконец, залил и узкую извилистую долину среди горных отрогов, где пролегла железнодорожная ветка. Теперь стало видно, что паровоз сошел с рельсов. Он остался на насыпи, но все его колеса увязли в гальке. Возле него Орлов насчитал семь тел. В стороне, над двумя конскими тушами, уже копошились вороны.

Он разглядел, что крыша вагона вздута, а стена выгнута наружу. Из двух окон торчали прутья решетки. «Внутренний взрыв,- определил капитан. – Возможно, бандитам удалось повторить свой трюк с динамитом в вентиляции. Тогда вряд ли кто-то остался в живых».

Выждав еще, он убедился, что банда ушла. Теперь можно было продолжить спуск, не заботясь о скрытности.

Он подошел к путям и остановился, сняв шляпу. На насыпи лежали все те, с кем вчера вечером он выехал из Ван Хорна. Они лежали раздетые до исподнего, и Орлов не сразу нашел Паттерсона. А когда нашел, с трудом смог узнать. Закопченное лицо было залито кровью, один глаз вытек, вместо седины – обугленная щетина. Остальные выглядели не лучше. Молодой курьер был раздет по пояс, и весь покрыт сажей. Как кочегар.

Над двумя незнакомцами Орлов задержался. Сначала он решил, что это тела бандитов. Но, разглядев раны, понял, что, скорее всего, перед ним кто-то из паровозной бригады – они были убиты двумя выстрелами в спину. Возможно, банда удерживала их у себя, пока не покончила с делом. И бросила, уходя. Своих же убитых бандиты увезли. Орлов не сомневался, что банда понесла потери. На песке вокруг вагона темнели пятна впитавшейся крови, и пятна эти были большие, какие остаются после долго лежавшего тела.

«Да, Нэт, ты был прав, - подумал он. – Это серьезные ребята. И командует ими серьезный человек. Как он назвал себя? Мэтью Стиллер? Если он сказал свое настоящее имя, значит, с самого начала решил не оставлять свидетелей. И не оставил».

Он прошелся по вагону, собирая все, что еще могло гореть. Из диванных обломков разжег большой костер и бросил в огонь пару одеял и резиновые оконные прокладки, чтобы дым был погуще. Высокий столб дыма подскажет направление поисковой группе, которая наверняка уже вышла из Ван Хорна.

Кочегарской лопатой он присыпал тела песком, чтобы хотя бы немного укрыть их от стервятников.

- Извини, Нэт, - сказал капитан Орлов, когда работа была окончена. – Больше я ничего не могу для тебя сделать.

«Можешь, - ответил ему Нэт Паттерсон. – Доставь дамочку по назначению. И рассчитайся за меня со Стиллером и его подонками».

7. Попутчики

Вера ничего не спросила, когда он вернулся. И это снова заставило Орлова злиться на нее.

- Наши все убиты, - сказал он ей.

- Плохо, - отозвалась она.

- Нэт Паттерсон был моим другом. Это тот маршал, что сопровождал тебя. Ему нужен был напарник. Но все отказывались, когда узнавали, что придется конвоировать женщину. И мне он не стал сообщать лишних подробностей. Сказал просто, что повезем опасного преступника. И я попался на его хитрость. Да это и хитростью назвать нельзя. Так, небольшая уловка. Нэт не знал, что такое хитрость. Даже в шахматах. Он был простодушный. Прямой. Он не тратил время на хитрость, поэтому соображал быстро. С ним было хорошо работать. Мы работали вместе несколько лет, и они пролетели, как один день.

Произнося эту эпитафию, Орлов смотрел на дым, что поднимался над скалами.

- Ты работал с ним несколько лет? – спросила Вера. – Позволь, что это значит? Ты здесь живешь?

- Да.

- Ты здесь живешь! – повторила она с отчаянием в голосе. – Ты не приехал специально из-за меня?

- Если бы не маршал, не приехал бы.

- Позволь, позволь… Ты – помощник маршала?

- Нет. Я частное лицо. Работаю по найму. Иногда.

- Значит, ты тоже поселился в Америке! – Она покачала головой. – Какая же я дура… Итак, ты нынче американец. Ну, и чем занимаешься?

- Когда чем. Летом – проводником у рейнджеров.

- А зимой?

Он снова усадил ее на круп лошади, позади себя. Вера обхватила его пояс и прижалась к спине. Как ночью. Но теперь запах ее духов уносился с ветром.

- Зимой? По-разному, - уклончиво ответил капитан Орлов.

Всю прошлую зиму он занимался спасением своего завода, и ему меньше всего хотелось об этом вспоминать.

- Ты хочешь сказать, что все эти годы провел здесь? Мне говорили, что ты командирован в весьма отдаленные края. Я и представить не могла, что мы встретимся здесь! Но какая же я дура… О, господи… - По ее возгласу он понял, что Вера увидела вагон и паровоз. – Зачем ты меня сюда везешь?

- Мы просто едем вдоль рельсов. Других дорог тут нет.

- И куда же мы едем, позволь спросить?

- В Сан-Антонио, - сказал он и поглядел на солнце.

Солнце вставало слева от него. Значит, он двигался на юг. Выходит, заброшенная ветка вела на север. За ночь он значительно отклонился от маршрута. Придется наверстывать. Либо продолжать движение до той самой стрелки, где бандиты завернули паровоз на заброшенную ветку, и там поджидать тех, кто отправится вслед за угнанным составом. Либо прямо сейчас свернуть на восток и добираться до ближайшей станции. Скорее всего, это будет Сан-Мартин. «Да, станцию Левинсон мы миновали еще до водокачки. А до Сан-Мартина не доехали. Или все же проскочили? Жаль, у меня нет карты железнодорожной сети, - подумал капитан Орлов. – Возмутительная непредусмотрительность. Ни карты, ни бинокля. Зря мы с Нэтом сели в тот поезд. Лучше бы отправились верхом. Всего-то три дня ходу. Ну, четыре, с учетом остановок. Зато ни от кого не зависели бы. Ах да, с нами была бы дама. Ну и что? Вере не привыкать к конным переходам. Да, не надо было нам садиться в тот поезд…»

- Ты их видишь? – спросила Вера.

- Уже давно, – ответил капитан Орлов, хотя только сейчас заметил вдалеке небольшую кучку всадников.

Он направил кобылу к скалам, увидев открывшееся справа узкое ущелье. Забираться в каньон означало новую потерю времени. Но еще больше его могла задержать любая встреча с незнакомцами. Если они направляются к месту крушения, то пусть себе едут. Может быть, этот отряд отправлен в погоню за бандой. Но поднимающийся дым мог привлечь и каких-нибудь бродяг. «Пусть себе едут», - повторил Орлов, углубляясь в проход между скалами. Пара поворотов – и они оказались в русле пересохшей реки. Орлов двинулся вверх, и как только под копытами появилась твердая почва, снова свернул. Оглянулся, не остаются ли следы. Не остаются. Он спешился и повел кобылу вверх по склону, туда, где клубились бурые заросли кустарника.

- Почему ты свернул? Боишься их?

- Да. Ужас до чего боюсь. Поджилки трясутся. – Орлов помог Вере спуститься и вытянул из-за седла винчестер. – Сядь, завернись в одеяло. С головой завернись.

- Зачем? Мне не холодно.

- Запах. От тебя пахнет городом.

- А от тебя табаком. Это лучше?

- Если они – курильщики, то моего запаха им не учуять. А вот твой они заметят за пару миль. Любой нормальный мужчина обязательно свернет в ущелье, откуда пахнет женщиной. То есть духами.

Он завел кобылу еще дальше, и она принялась щипать траву, зеленеющую между камнями.

- А говорили, ты сделал блестящую карьеру в Генеральном Штабе, - сказала Вера, закутываясь в одеяло. – Говорили, курсируешь между Парижем и Веной.

- Чего не было, того не было.

- Я так и знала. Наверно, все, что ты слышал обо мне, тоже неправда.

- Я о тебе ничего не слышал, - сказал Орлов.

- Вот и первая неправда. Ты ведь служил вместе с отцом, а он непременно рассказал бы тебе обо мне.

- Никогда я с ним вместе не служил, - буркнул он. – И ничего о тебе не слышал.

Незадолго до самой первой своей командировки, в Гибралтар, капитан Орлов имел короткую беседу с генералом Муравьевым, который тоже собирался в дорогу. Князь посетовал на нигилистическую атмосферу, которая царила на женских курсах, где учились его дочери. Потому он и брал с собой Веру, сремясь изолировать ее от зловредного влияния.

Немного позже до Орлова дошли слухи о том, что старший брат Веры, Сергей, состоял в антиправительственном заговоре. Но роль его там была незначительной, и наказание последовало не слишком жестокое. Впрочем, каким именно было наказание, и кто еще из семьи Муравьевых был замешан в деле – этого Орлов не знал. И не желал знать.

- Не слышал? И не хочешь слышать, по всей видимости. В противном случае ты бы меня засыпал вопросами. Все-таки мы не виделись так долго… А ты молчишь и ничего не спрашиваешь. Это по меньшей мере невежливо по отношению к даме, Павел Григорьевич.

- Я бы спросил, - сказал он, выщипывая листья с веток, чтобы можно было сквозь куст наблюдать за подходами к укрытию. – Я бы спросил. Но ты бы заявила, что это допрос.

- Да пойми же ты, наконец, Паша! – с отчаянием произнесла она. – Я не за того тебя принимала! Представь себя на моем месте! Мне объявляют, что за мной прибыли жандармы! И появляешься ты! Вообрази, что я должна была подумать?

- Ну, например, ты могла бы вспомнить, что я не жандарм, - сухо ответил он.

- Столько лет прошло! Знаешь, как много вполне порядочных офицеров перешли в Корпус жандармов в восьмидесятых годах?

- При всем желании не смог бы последовать их примеру.

- По какой причине?

- По причине отсутствия.

Он глянул на нее. В лице Веры уже не было того отчуждения, которое злило его с самых первых минут встречи. Она снова стала похожа на ту девушку, какой он знал ее в юности. И капитан Орлов смягчился.

- Я ведь сразу после турецкой кампании был отправлен за границу. И с семьдесят девятого года не был дома. В восемьдесят седьмом вернулся. Ненадолго. Вышел в отставку, раздал отцовские долги, и – снова сюда. Так что ты была права, когда обозвала меня американцем.

Она хотела что-то сказать, но он поднес палец к губам и снова прильнул к своей амбразуре, проделанной среди веток. От стен ущелья отражались чьи-то голоса.

Они звучали негромко, эхо смешивалось со скрипом камней под копытами, и Орлов не смог разобрать ни единого слова. Однако ему было ясно, что всадников не меньше трех и они о чем-то спорят. Наконец, отчетливо послышалось:

- Я сказал, останешься здесь!

После чего голоса понемногу затихли, удаляясь.

«Они увидели нас, - подумал капитан Орлов. – Они свернули в ущелье за нами. Они ищут нас. Ищут грамотно. Оставили наблюдателя у поворота. Собираются обследовать всё ущелье? Нет. Они вернутся к той точке, где пропали следы кобылы. И неизбежно придут сюда».

Он наклонился к Вере, отогнул край одеяла и прошептал ей в ухо:

- Ты сможешь идти в гору?

- А если нет? – так же шепотом спросила она. - Ты уйдешь один?

- Сможешь?

- Не знаю. А как же лошадь?

Не отвечая, он быстро скатал оба одеяла вместе и отдал Вере. Она сноровисто продела руку в скатку и надела ее на плечо, как бывалый пехотинец. Орлов обследовал седельные сумки и переложил к себе только самое необходимое – револьвер, две пачки патронов, спички, консервы … С винчестером и сумкой за спиной он пару раз присел, проверяя, не будет ли груз мешать движениям. Поправил ремень сумки. Передвинул кобуру с бедра назад. В последний момент вспомнил о веревке, висевшей на передней луке седла. Вера молча следила за его приготовлениями.

- С богом, - шепнул он и, подав ей руку, шагнул вверх по крутому склону.

Шагах в ста выше них начинался лес. Орлов знал, что еще выше этот лес перейдет в луга, за которыми высятся только голые скалы. Если подняться еще примерно на милю, то дойдешь и до снегов, но залезать так высоко он не собирался. Пройти через лес и двигаться на восток по его верхней опушке – вот и все, на что он мог рассчитывать.

Им повезло. Они добрались до леса, и уже шагали по рыжему хвойному настилу, когда внизу заржала оставленная ими кобыла. Сразу же ей отозвалась другая лошадь – непонятно откуда, определить место Орлов не мог из-за эха. Но это уже было не важно. Гораздо важнее для него было то, что он не ошибся в расчетах. Лошадь заржала, почуяв своих. И люди, которые так настойчиво обыскивали ущелье, наверняка знают эту кобылу. Знают они и ее бывшего владельца. Возможно, они вернулись за ним. Если так, значит, в банде Стиллера ценят людей.

Что они сделают, обнаружив кобылу?

Пойдут по ее следам, чтобы узнать, как она здесь оказалась. Да, они отправятся вдоль рельсов и в конце концов найдут тело своего товарища. Может быть, они его там же и зароют. И заровняют могильный холмик, проехавшись по нему взад-вперед на лошадях.

«Да, так и будет», - уверял себя капитан Орлов, однако старался не задерживаться, и тянул Веру за собой. Скоро им пришлось подниматься, хватаясь руками за ветви и корни. Подъем становился всё тяжелее, всё круче, и вот они остановились перед отвесной гранитной стеной.

- Дай дух перевести, - попросила Вера, вытирая блестящий лоб.

Она произнесла это жалобно, почти с мольбой. Однако дыхание ее было ровным, и выглядела она отнюдь не замученной насмерть.

- Как нога? – спросил Орлов.

- Я и забыла о ней. Такого ты страху нагнал… Павел Григорьевич, может быть, соблаговолите объяснить, от кого мы в такой панике скрываемся?

- А ты не поняла? Ну, рассуди сама. Место безлюдное, здесь никто не живет. И никто по своей воле сюда и носа не покажет. Откуда взялись эти люди? Ясно, что они из той же банды, что напала на поезд.

- Ясно? Ты рассуждаешь абсолютно нелогично. Эти люди вполне могли куда-нибудь ехать по своим делам. Но увидели, что мы прячемся от них. И это заставило их свернуть. Потому что, если кто-то убегает, значит, его следует непременно догнать. Таков человеческий инстинкт.

- Благодарю за лекцию. – Орлов протянул ей флягу. – Много не пей, дыхание собьешь.

Они двинулись вдоль стены, но прошли не слишком далеко. Лес неожиданно оборвался, и перед ними открылся длинный участок открытого склона, усеянный камнями, среди которых поднималась бурая трава. Орлов бросил взгляд вниз – и шагнул назад, прячась за деревья.

Отсюда эти три фигурки казались крохотными, как муравьи. Но они двигались наискосок по склону, забираясь вверх, к той самой стене, возле которой остановился Орлов. Они двигались медленно, однако при этом смотрели вверх – и значит, обязательно заметят любое движение вдоль стены.

- Как они могли нас обогнать? – спросила Вера у него за спиной.

- Пока мы поднимались, они шли поперек склона. Мы продирались сквозь лес, а они вышли на ровное место. Они поднимутся быстро. Быстрее, чем мы. Они знают эти места, - сказал Орлов.

- Ну вот, а ты говоришь, что здесь никто не живет.

Она явно старалась, чтобы голос звучал бодро.

- Я ошибся, - сказал он, снимая поклажу с плеч. – Отойди чуть подальше и посиди. Отдохни. У нас есть минут десять.

- Думаешь, они пройдут мимо нас?

- Посмотрим.

Он снял светлый сюртук и, аккуратно свернув, уложил поверх сумок. Рубашка на нем была темно-коричневая. Он всегда надевал ее в дорогу, и сейчас порадовался, что не изменил привычке. А ведь собирался надеть новую, красную. Хорош бы он был сейчас, в красной рубашке на фоне голых сосновых стволов.

Винчестер, доставшийся ему от зарезанного подранка, был в приличном состоянии. Орлов поглядел ствол на свет, капнул из масленки на шарнир затвора, выбросил все патроны из магазина и снова их туда загнал, тщательного осмотрев каждый. «Надеюсь, винтовка пристреляна», подумал он, поудобнее устраиваясь возле поваленного дерева.

«Конечно, пристреляна. Хозяин заботился о ней. Нигде ни следа ржавчины. И ремень кожаный. На винчестере вообще мало кто оставляет ремень. Его ведь носят в руке или держат за седлом. За спиной винчестер таскают только горные стрелки. Те, кто привык обходиться без лошади. Да, эта винтовка наверняка одна из самых лучших, какие мне только доводилось держать в руках».

Возможно, капитан Орлов был слишком суеверен. Но он предпочитал относиться к вещам, как к живым существам. И нахваливал чужую винтовку, будто стараясь задобрить ее,

чтоб не капризничала. Он подбадривал винчестер, как нового бойца перед стычкой, чтобы тот не подвел. Очень многое сейчас зависело от первого выстрела. Поэтому он терпеливо ждал, когда эти трое подойдут поближе.

Он уже мог разглядеть их лица. Значит, им не уйти. На такой дистанции они обречены.

Можно было уложить их без лишних слов.

Но капитану Орлову еще надо было кое-то выяснить.

Они остановились. Тот, что шел первым, оперся на винтовку, тяжело дыша.

Орлов тщательно прицелился. Выстрел оказался отменным. Винтовка переломилась, и человек, опиравшийся на нее, упал. Двое, стоявшие за ним, мгновенно нырнули на землю и откатились в сторону, прячась за невысокие валуны.

- Вы у нас на мушке! – крикнул им капитан Орлов. – Не дергайтесь понапрасну!

Один из них пошевелился и выставил вперед ствол винтовки. Пуля Орлова ударила в камень рядом с ним, и ствол испуганно втянулся обратно.

- Выбирайте! – крикнул Орлов. – Можете вернуться вниз, только оставьте свое оружие! Или, если хотите, я прикончу вас тут, и вам не придется тратить силы на спуск!

- Ты не уйдешь далеко! – ответили ему. Голос звучал глухо, потому что говоривший лежал лицом к земле и не решался поднять голову. – Наши идут по твоим следам! Тебе не уйти! Оставь нам девчонку – и уходи! Ты нам не нужен, только девчонка!

«Ишь, какие глазастые, - подумал Орлов. – И когда они успели ее разглядеть? Наверно, у них был бинокль».

- Даю вам минуту на размышление! Кто встанет без оружия, тот может уйти! Кто попытается стрелять, получит пулю в лоб!

- Минуту? Ты же не даешь нам шевельнуться, чтобы посмотреть на часы! Эй, парень, остынь! Мы местные, такие же, как ты! Разве мы не можем договориться по-хорошему?

Орлов взял на мушку не самого разговорчивого, а того, кто ни разу ему не ответил – его рука с револьвером незаметно вытягивалась вперед. Орлов хотел попасть ему в плечо. Но если выстрел прозвучит через минуту, то и попадание в голову не будет считаться промахом.

- Договориться? Если вы местные, то должны знать – нельзя договориться с тем, кого называют Дьяволом!

- Ты – рейнджер? Дьявол из Эль-Пасо? Чем докажешь?

- Доказательство получишь через тридцать секунд.

- Послушай, если ты рейнджер, ты должен знать о Мэтью Стиллере! Так?

- Двадцать секунд.

- И ты должен знать, что Мэтью Стиллер мстит за каждого своего человека!

- Так вы – ребята Стиллера? – уточнил капитан Орлов.

- Да! И тебе лучше бы не связываться с нами. Отдай девчонку и уходи…

- Ваше время вышло, - ответил Орлов и нажал на спуск.

- Нет! – одновременно выкрикнули двое, а третий заорал от боли.

В следующую секунду все они уже стояли на ногах, с поднятыми руками – кроме одного, который держался за плечо. «Промазал», - с досадой подумал Орлов, потому что целил подонку в лоб.

- Ты их отпустишь? – спросила Вера. – Отпустишь, как обещал?

Тройка неловко пятилась, отступая по склону. Оружейные пояса с бряцаньем упали на камни.

- Когда они отойдут на пятьдесят шагов, сходи за их оружием, - сказал Орлов. – А я пригляжу за ними.

- Дай мне ружье. И сходи сам. У меня нога...

Он не мог оглянуться на нее, продолжая целиться в отступающих.

- Здесь недалеко, Вера, ты потихонечку, как-нибудь…

- Не могу!

Она подползла к нему, и он увидел, что ее лицо блестит от слез.

- Дай ружье!

- Осторожнее, курок очень чуткий, - предупредил Орлов, отдавая ей винчестер.

С револьвером в руке он подбежал к камням, за которыми поблескивало брошенное оружие. Бандиты, увидев его, на мгновение остановились, но тут же развернулись и побежали вниз. Один трусил медленно, и все оглядывался через плечо. Двое других неслись зигзагами, и скоро исчезли за кромкой кустарника далеко внизу.

Орлов разломал одну винтовку, ударив прикладом о камень. Второй винчестер, поновее с виду, взял с собой. Перевесил патронташи через плечо. Осмотрев револьверы, разрядил их и отбросил подальше. Ему были нужны только патроны. Теперь у него было два винчестера на двоих и два револьвера. Ничего лишнего. В горах не стоит обременять себя поклажей. А им предстоял долгий путь через горы. На перевал они поднимутся засветло. Там переночуют. На рассвете сориентируются и начнут спуск. А на той стороне их уже никто не найдет. На той стороне им надо будет выйти к любому ручью, и спускаться вдоль него. Ручьи впадают в реку, а река ведет к жилью. Там, на той стороне, стоит форт Мэйсон. Что там еще? Поселки старателей, они тоже располагаются на реке. Да, там, на той стороне, им будет легче…

- Зря ты их отпустил, - сказала Вера.

- Что? - Он повернулся к ней, продолжая мысленно прокладывать маршрут.

- Теперь они знают, где мы. Они придут сюда всей бандой. Тебе лучше уйти, Паша. Оставь меня. И уходи.

Капитан Орлов помолчал, подбирая слова. Трудно общаться с дамой на высоте трех тысяч футов, особенно, когда предстоит подняться еще на две тысячи.

- Завтра твоя нога перестанет болеть, и ты забудешь о ней. И тебе будет стыдно за свои слова, - сказал он как можно мягче. – Я понесу тебя на закорках. Ты легкая. Я и не такие грузы таскал.

- Ты не понимаешь, Паша…

- Это ты не понимаешь, - невежливо перебил капитан Орлов. - Они не вернутся. Если они местные, то им не захочется лишний раз встретиться со мной. Потому что меня тут многие знают. И никто не захочет рисковать головой. Да и ради чего? Ради юбки? Извини, но…

- Нет, ты не понимаешь, – горько повторила она, качая головой. – Какая юбка? Им нужны деньги.

- Деньги?

- Да, им нужны деньги. Двадцать тысяч в билетах банка Монтаны. Те самые двадцать тысяч, что я украла у Мэтью Стиллера.

8. В отрыв

Ей было шестнадцать, когда она впервые попала в Америку. Международная экспедиция Адамса, изучавшая геологию Техаса, имела в своем составе картографическое подразделение, которое возглавлял ее отец. «Возглавлял» - громко сказано. Под началом профессора Муравьева было двое казаков да собственная супруга с младшей дочкой – вот и всё войско. От залива до Оклахомы они прошли за два полевых сезона, перезимовав в Эль-Пасо, в гостеприимном доме профессора Адамса.

Следующая поездка за океан была для Веры уже не столь романтической. По заданию Бюро она выехала из Женевы в Лондон, а затем отправилась в Нью-Йорк, чтобы участвовать в создании новой типографии. Тогда, в середине восьмидесятых, настроения у людей менялись быстро и радикально. Те, кто еще вчера настаивал на необходимости сугубо мирных средств борьбы, на пропаганде и просвещении, назавтра могли выйти на улицу с динамитом, чтобы бросить самодельную бомбу в первого попавшегося городового. Разочаровавшись в либеральных идеях, вчерашние народники объявляли себя анархистами. Пока Вера осваивалась на новом месте, настроения в руководстве организации в очередной раз поменялись. И вместо типографии было решено устроить в Нью-Йорке динамитную лабораторию.

Об этом Вере сообщил связной, которого она встречала в порту. Первым ее желанием было тут же, в портовой кассе, купить билет, сесть на пароход и покинуть Америку. Потому что новое задание было абсолютно бессмысленным. Ее познания в технологии изготовления динамита были крайне скудными. Однако она точно знала, что такие работы производятся зимой, при отрицательных температурах. Следовательно, лаборатория в Нью-Йорке, где морозы крайне редки, будет простаивать почти весь год, даже если ее и создадут. Кроме того, что прикажете делать с произведенным материалом? Кто изобретет безопасный способ перевозки динамита через океан? И как пронести его мимо придирчивых таможенников? Абсурд, да и только! Нет, она не собиралась заниматься динамитом, несмотря ни на какие решения партии.

Она не имела права отказаться. И не могла согласиться. Как поступает женщина в таких случаях? Тянет время.

Вера рассудила, что настроения в Бюро могут снова измениться. Партия направляла огромные средства на то, чтобы вернуть из ссылок наиболее ценных товарищей. Из Иркутска в Николаевск, оттуда, через Японию и Америку, в Европу – по такому маршруту прошли многие члены Бюро, и состав руководства обновлялся чуть ли не ежемесячно. В Нью-Йорк Веру отправили люди, о которых она прежде никогда не слышала. Но это еще ничего – их заслуги могли быть известны только узкому кругу своих, да еще охранке. Гораздо больше беспокоило ее то обстоятельство, что стали появляться листовки от имени какого-то нового Исполнительного Комитета. Видимо, фальшивого, созданного жандармами для проведения провокаций. Но как отличить подлинных наследников Народной Воли от самозванцев? Только время могло расставить всё по своим местам. Только время.

Следовательно, и сейчас, в столь двусмысленной ситуации самым разумным выходом было ожидание. Итак, Вера принялась за рутинную работу - подыскивала помещение, составляла списки магазинов, где можно приобрести реактивы, знакомилась с товарищами, коих можно будет, после тщательного изучения, допустить к участию в особо секретных мероприятиях… Она не торопилась. Когда же связник передавал ей, что в Бюро выражают нетерпение, Вера отвечала, что она делает все, что в ее силах. И это было чистейшей правдой.

Почему-то она с первых минут почувствовала, что с этим связником, Шустером, лучше не быть слишком откровенной. Позже, когда его сменил другой товарищ, Моисей Бобруйский, Вера узнала, что имела дело с одним из опытнейших боевиков. Шустер скрывался в Америке

после нескольких громких акций. О таких вещах не принято говорить, но Моисей дал понять Вере, какими были эти акции. На счету Шустера был взрыв в ресторане и казнь двоих провокаторов. Пожалуй, такой товарищ был способен воспринять ее отказ как предательство. И тогда Веру могла ожидать незавидная судьба.

А вот Моисей оказался совсем другим. Как и Вера, он склонялся к пропаганде, к работе в среде пролетариата. Он целыми сутками пропадал на заводах, где работали русские. Их, кстати, можно было найти везде, где адские условия труда и низкая заработная плата отпугивали представителей всех других иммигрантских сообществ. Моисей организовал несколько кружков, где учил рабочих английскому языку и читал им сочинения Лассаля. Кроме того, эти кружки поначалу исполняли и роль своеобразных касс взаимопомощи. А впоследствии Моисей открыл и небольшой банк, который помогал рабочим переправлять часть заработка на родину, да и просто поднакопить деньжат.

Вера тоже увлеклась пропагандой среди рабочих. Она сновала между Нью-Йорком, Бостоном и Чикаго, встречаясь с земляками. Ведь все эти литейщики и землекопы через несколько лет вернутся в Россию. Они вольются в пролетарскую среду и станут внедрять в нее революционные идеи, таким образом повышая самосознание рабочего класса как политической силы. Просветительская работа настолько захватила Веру, что она и думать забыла о динамитной лаборатории.

Так прошло несколько лет. Рабочие изучали язык, вступали в профсоюзы, условия их жизни постепенно улучшались. Однако на родину почти никто не возвращался. Многие обзаводились семьями. Женились на галичанках, польках, чешках, поскольку русских невест не находили. И прочно оседали на американской земле. Состав кружков постоянно обновлялся, но число вкладчиков «Русского Рабочего Банка» только росло из года в год.

А потом произошла катастрофа. Моисей Бобруйский исчез вместе с содержимым банковского сейфа.

Вера не успела оправиться от удара, как в Нью-Йорке снова появился Шустер, да не один, а с представителями обновленного Бюро. Она была подавлена обилием новых лиц. Ни одного старого товарища. Кроме Шустера, Вера знала только Клару Швейцер, но и с той познакомилась уже в Нью-Йорке. Все же остальные были для нее чужими. И говорили они уже не о том, о чем шла речь в прежние времена. Говорили не о подъеме революционного духа, не о борьбе и подвигах, не о будущем обустройстве России – нет, говорили исключительно об изыскании финансовых средств.

Но для начала ей был учинен долгий и мучительный допрос по делу о «Русском Рабочем Банке». Постановили – Бобруйского изыскать и предать суду партии. Веру же простили. Возможно, только потому, что новые руководители приехали для встречи с важным лицом, которое проживало в далеком Техасе, и им требовался надежный проводник, а также переводчик.

Делегация Бюро прибыла в Эль-Пасо, и Вера справилась со своими новыми обязанностями. «Важные лица» желали помочь делу русской революции, и переговоры на эту тему продолжались несколько недель. Этого времени было достаточно, чтобы Вера поняла: Майер и Зак, уполномоченные представители Бюро, не имеют никакого отношения к прежней организации. Поняла она и то, что ей не доверяют.

Ее использовали как прикрытие. Дочь профессора Муравьева была желанной гостьей в доме профессора Адамса. Она поселилась там вместе с двумя своими спутниками, которые выдавали себя за ученых. Но в клуб, где происходили встречи с «важным лицом», ее не брали, и она сидела взаперти. Однажды Зак принес с такой встречи тяжелую сумку и приказал надежно спрятать ее среди дамского гардероба.

В сумке были деньги. Двадцать тысяч долларов. Вера взяла себе немного на расходы. А сумку упаковала и отправила почтой в Нью-Йорк. В «Русский Рабочий Банк». После чего исчезла из Эль-Пасо, навсегда распрощавшись с партией.

***

- Оказалось, что не навсегда, - печально добавила она.

- Недалеко же ты убежала, - сказал капитан Орлов. – Попалась в соседнем округе.

- Но я и не собиралась бежать в Нью-Йорк! Меня бы там начали искать в первую очередь. Хотела переждать в Техасе. Знаешь, под свечкой всегда темно…

- Темно-то темно. Но причем тут Стиллер?

- Не знаю. Это имя часто мелькало в их разговорах.

- Ну и что? Мало ли кого еще могут так звать… - Он перехватил ее безнадежный взгляд и махнул рукой. – Ладно. Примем такое объяснение. Оно звучит нелепо. Но других я не нахожу. Итак, то самое Важное Лицо, с кем встречались твои приятели…

- Они мне не приятели.

- … это Важное Лицо связано с бандой грабителей. Деньги тебе достались ворованные…

- Не мне! Я же хотела отдать долги рабочим!

- … и теперь вся эта шайка станет охотиться за тобой, чтобы вернуть себе добычу.

Он говорил спокойно, даже снисходительно. И заставил себя остановиться, не договорив. Потому что из-за несчастных двадцати тысяч Важное Лицо не стало бы устраивать столь масштабные мероприятия. Дело было не в деньгах. А в том, что Вера могла проговориться. Пока ее судили как проститутку с парохода, она была безопасна. Она не стала бы рассказывать о подлинном источнике тех банкнот, на которых попалась, иначе дело не кончилось бы так быстро. Но, едва оказавшись на свободе, Вера стала источником угрозы. Она могла исчезнуть из Техаса и, находясь в недосягаемости, рассказать правду. Кому рассказать? Да любой подружке, или любовнику, или газетчику… И тогда у Важного Лица возникнут тысячи новых проблем. Зачем же ждать такого развития событий, когда можно все решить одним ударом?

Человек, финансирующий революцию в далекой стране, должен иметь для этого серьезные причины. Никто не станет вкладывать деньги в заведомо убыточное предприятие. Значит, Важное Лицо связано с деловыми кругами высшего уровня. С теми, кто вершит мировую политику. Эти люди способны вызвать восстание мирных племен, способны развязать войну, способны стравливать народы между собой.

Эти люди способны раздавить любого, кто только попытается создать для них малейшее неудобство – не говоря уже об угрозе.

Но Вере об этом лучше не знать. Пусть думает, что ее противник – ничтожество по имени Стиллер. А не один из хозяев жизни.

Орлов поддел веткой котелок, стоявший на углях, и переставил его на камень рядом с Верой.

- Ешь первая, мне оставишь половину.

- Как я люблю консервированные бобы, - улыбнулась она, запуская в котелок ложку. – Не поверишь, нахожу их вкуснее всяких деликатесов.

- А я люблю компот из персиков, - сказал он, глядя на лес, темнеющий внизу, под ногами.

Им не удалось до темноты выйти к перевалу. На ночевку остановились среди скал, в небольшой пещере. Глядя вниз, Орлов видел отсвет далекого костра, горящего под деревьями. Там пережидали ночь их преследователи. Они не прячутся. И они не отстанут. У них преимущество в скорости, к тому же их просто больше. Будь они порасторопнее и посмелее, давно бы настигли парочку беглецов. Впрочем, куда им спешить? Наступит утро – и все будет кончено.

Капитан Орлов вышел из пещеры, чтобы раскурить трубку. Луна порой показывалась из облаков, освещая мрачный пейзаж. Орлов отошел в сторону, чтобы дым не залетал в пещеру, и оглядел горы. Если бы не Вера, он бы не остановился на ночь. Склон тут был чистый и пологий, можно было бы подниматься и в темноте. «Да, если бы не Вера, - подумал он и усмехнулся. – Если бы не Вера, меня бы сейчас тут не было».

Он поглядел вниз, и сердце его забилось сильнее. Он едва не выронил трубку от волнения. Там, далеко внизу, в темноте мерцала едва заметная золотая точка. Еще один костер? Кто же мог его разжечь? Только тот, кому доверили охранять лошадей…

- Поешь, а то остынет, - послышался голос Веры.

Он выбил недокуренную трубку.

- Я не хочу. Доедай.

Она что-то спросила, но он уже не слышал ничего. Чуть ниже по склону росли две тонкие березки, их белые стволы будто светились в темноте. Он спустился к ним, на ходу доставая нож. Он спешил, ругая себя за потраченное время.

На то, чтобы изготовить из тонких стволов каркас для волокуши, ушел, наверно, час. Работая, он поглядывал вниз, боясь, что далекий огонек растворится в темноте. Но звездочка всё мерцала, Орлов мысленно прокладывал к ней путь, и скоро он уже не потерял бы дорогу к этому костру, даже если тот погаснет.

- Что ты там делал? – спросила Вера, когда он вернулся. – И поешь, я тебе оставила. Поешь, поешь, ты затратил много сил.

- Не страшно, дальше будет легче, - ответил он, торопливо выскребая из котелка остатки холодных бобов.

Он разгреб угли и вывалял в золе свой сюртук, а затем измазал сажей и брюки. Вера посоветовала:

- Надо было смочить одежду, тогда бы она легче замаралась. Мы пойдем сейчас, в темноте?

- Да.

- Разумно. Я сама хотела тебе это предложить.

Он подвязал одеяло к гибким стволам и взялся за передние концы волокуши.

- Карета подана, сударыня.

Вера ползком, охая, перебралась на волокушу.

- Угли надо бы загасить.

- Пусть тлеют. Если за нами следят, пусть видят, что в пещере есть свет. Ну, Вера, а теперь я прошу тебя только об одном – молчи. Что бы ни случилось – ни звука.

Она кивнула. Он шагнул вперед, и сразу же услышал ее голос:

- Куда мы? Почему вниз? Ой, молчу, молчу…

Капитан Орлов ступал осторожно, чуть развернувшись боком, и скрещение березовых стволов упиралось ему в пояс. Волокуша легко скользила по траве, и только редкие камушки порой выскакивали из-под нее и катились вниз. «Дойти бы за ночь, - думал он, - только бы дойти, только бы не встретить на пути обрыв или чащобу, или осыпь. А если все-таки преграда? Что ж, коли не дойдем, то спрячемся внизу. Да нет, не спрячемся - найдут по борозде. Нет, никаких отговорок, надо дойти всенепременно».

Он сначала положил себе за правило – отдыхать через каждую тысячу шагов. Но смилостивился над самим собой, и остановился после пятисотого шага. Огонек впереди уже не казался золотой точкой. Теперь можно было различить колыхание пламени и его отсветы на дымных струях.

Орлов оглянулся, переводя дух, и увидел белеющее в темноте лицо Веры. Глаза казались черными и огромными, а губ не было видно. Но вот она улыбнулась, и влажно блеснула полоска зубов.

- Все хорошо, - шепнул он ей. – Все просто великолепно.

- Я молчу, видишь? - едва слышно прошептала она в ответ.

- Скоро всё кончится. Уже скоро.

***

В темноте у человека обостряется не только слух, но и обоняние. Капитан Орлов почуял запах лошадей задолго до того, как их стало слышно. Да, сначала пришел именно приторный запах конской пены, что засыхает на боках после тяжелой скачки. И только потом – запах подгорелого хлеба, тянущийся от костра. Звуков же он еще долго не мог различить.

«Значит, ветер тянет на меня, - думал Орлов, вжимаясь в траву и понемногу сползая к костру. – Хорошо. Лошади ничего не почувствуют. Если бы у них была собака, пришлось бы плохо. Но у них нет собаки. А вдруг есть? Нет, никто не берет собак на ограбление поезда. А ведь они вчера думали, что предстоит всего лишь захватить почтовый вагон. Захватить-то захватили, но не получили того, что хотели. И теперь кому-то приходится шнырять по горам, а кому-то... Интересно, кого они оставили караулить лошадей? Я бы оставил раненых. Или самых слабых. Или самых ненадежных. Лучших бойцов я бы непременно взял с собой. Минуточку! А откуда мне известно, что Мэтью Стиллер отправился в горы? Может быть, он такой важный барин, что сам остался внизу, при лошадях? Может, ему не пристало рисковать своей драгоценной шкурой, подставляя ее под пули сумасшедшего рейнджера? Эх, вот бы его встретить сейчас!»

Он уже слышал, как трещат сучья в костре. Продвинувшись вперед еще немного, он осторожно приподнял голову и раздвинул траву, чтобы глянуть вперед.

Тщедушная фигурка скрючилась возле костра. Тот, кому доверили охранять лошадей, спал сидя, опустив голову на колени.

«Оставили одного?»

У огня стоял закопченный чайник, рядом с ним Орлов заметил две кружки.

«Их двое! Где же второй?»

Он приподнялся на локтях, разглядывая пятно света, расстилающееся вокруг низкого пламени. Никого. Поблескивали стволы двух винтовок, лежавших на земле. Чуть дальше в темноте можно было разглядеть седла, наваленные одно поверх другого. «Лошади расседланы. Плохо, - подумал Орлов. - Придется с ними возиться».

Послышался шорох, и рядом с седлами неожиданно ожил большой валун, превращаясь в человеческую фигуру. Человек встал, шагнул в темноту, и оттуда послышались звуки струи, бьющей в землю.

«Как он некстати проснулся», - подумал капитан Орлов.

Человек вернулся к костру, застегивая штаны. Он был высокий и худой, одежда болталась на нем, как на бельевой веревке. Седые усы подковой опускались до подбородка. Над провалившимися щеками посверкивали близко посаженные глаза. И в глазах этих горел гнев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.